Молчание

Автор:
Дженнифер Макмахон

Молчание

Дженнифер Макмахон

Лиза с детства верит в существование фей и носит им в лес дары. Взамен ей кто-то оставляет амулеты, а однажды – даже таинственную Книгу Фей.

Увы, эта история не похожа на добрую сказку. Однажды Лиза пропадает в чаще.

Теперь ее старший брат Сэм и местный ветеринар Фиби пытаются разобраться, что же случилось. Череда случайностей приводит их в старую хижину, где их ждет кровавый розыгрыш, а последующие события и вовсе заставят усомниться в собственном рассудке.

Дженнифер Макмахон

Молчание

Посвящается моей бабушке,

доктору медицины Лоре Кон Говард,

она могла объяснить все

Jennifer McMahon

Don’t Breathe a Word

* * *

This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © Jennifer McMahon, 2011

© Савельев К., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

* * *

Из Книги фей

Если вы держите в руках эту книгу, то принадлежите к числу избранных.

Вы должны понять, что вместе с этой привилегией приходит огромная ответственность. Знание, которое содержится на этих страницах, навсегда

изменит вашу жизнь.

Будьте осторожны с теми, с кем пожелаете поделиться этими знаниями. Судьба нашего рода зависит от этого. От вас.

Пролог

Фиби

23 июня, пятнадцать лет назад

Жарче жаркого, без кондиционера, пот течет ручьями, кровать «Волшебные пальчики»[1 - «Волшебные пальчики» (Magic Fingers) – фирменное название вибрирующей кровати, запатентованной в 1960-е годы. Здесь используется в ироническом смысле (прим. перев.).] в придорожном мотеле вибрирует под Фиби, пока мистер Эскимо занимается с ней любовью. Он неплохо выглядит: выпирающее брюшко, но приятное лицо. Голубые глаза, напоминающие прозрачный ручей. Или песню «Голубой хрусталь», которую постоянно любила слушать мама. Разумеется, Фиби рассказала ему об этом, и теперь он иногда напевает ей эту мелодию, – что-то вроде предварительных ласк. Ей бы хотелось, чтобы он сбрил усы, но на это нет шансов, потому что они нравятся его жене.

Впрочем, его жена, в отличие от Фиби, не любит поездки на мотоцикле. У мистера Эскимо есть «Харлей», и он забирает Фиби с собой каждую субботу, когда закрывается магазин. С ветром в волосах, с насекомыми, отскакивающими от лица, с дьявольским ревом мотоциклетного двигателя… Мистеру Эскимо нравится останавливаться в конце пожарного проселка[2 - Короткая проселочная дорога, прокладываемая в противопожарных целях (прим. пер.).] и заниматься с ней любовью прямо на мотоцикле. Иногда ей кажется, что он трахается не с ней, а с мотоциклом. Впрочем, ее это устраивает. Трудно соперничать с глянцевой краской и хромированной поверхностью, где можно видеть их отражения. И это гораздо круче старшеклассников, которые и пяти минут не могут продержаться на задних сиденьях своих автомобилей.

Нет, Фиби не возражает против этого. Недавно ей исполнилось двадцать лет. Три месяца назад она переехала в Браттлборо со своими подругами Нэн и Сашей. Она хотела уехать еще дальше, возможно, даже в Калифорнию, чтобы оказаться подальше от своей матери. Но у Саши был ухажер в Браттлборо, а Вермонт все равно куда лучше того дерьмового городка вокруг мукомольни в Массачусетсе, где выросла Фиби. А когда ее мать звонит в квартиру, напившись до чертиков, Нэн и Саша отвечают с потешным акцентом и говорят, что она попала в китайский ресторан. Ее мать спрашивает: «А Фиби там?» – и Нэн отвечает: «Утка по-пекински? Хорошо! Сегодня специальное предложение, с клецками». Потом они надрывают животики от смеха.

Они живут в дешевой съемной хибаре с грязными стенами и навесными потолками, где по крыше шастают белки (одна из них провалилась в дыру, когда Саша готовила лапшу рамен – отличная история для рассказов на вечеринке), но в целом стараются не высовываться, так что все в порядке. Фиби устроилась на работу продавщицей мороженого в «Классном Рожке», что дает возможность вносить свою долю за аренду и изрядно забавляет ее. Дети приходят в «Рожок» в основном из-за игральных автоматов и оставляют сдачу в «Клешне», пытаясь вытащить одну из мягких игрушек или фальшивые солнечные очки в модной оправе.

Шеф Фиби, мистер Эскимо, на двадцать лет старше ее. Он принимает таблетки от давления и носит туфли с ортопедическими вставками. У него растут волосы на спине. Она старается не прикасаться к ним во время секса, но в конце концов все равно запускает туда пальцы. Ей противно, но она не может удержаться. Фиби, она такая.

Она лежит на комковатом матрасе в мотеле, стараясь не думать о волосах на его спине или о том, что сегодня его дыхание особенно зловонное. Прогорклое, как тухловатое мясо. Может быть, мистер Эскимо на самом деле оборотень. Фиби представляет, как он целиком покрывается шерстью и отращивает клыки в полнолуние. Хватит! Она очищает голову от мыслей и пробует расслабиться; пусть «Волшебные пальчики» делают свое дело снизу, пока мистер Эскимо трудится над ней. Его глаза плотно закрыты, лицо вспотело, губы под нелепой полоской усов извиваются, как гусеницы (подруги считают классным, что Фиби встречается с богатым мужчиной старшего возраста), но ее внимание привлекает телевизор на стене за ними.

Телеэкран мерцает и сияет тускло-голубым огнем вечерних новостей. Диктор рассказывает о пропавшей девочке из Хармони. Три дня назад она пошла в лес за домом и не вернулась. Она говорила, что в этом лесу есть дверь, расположенная где-то в руинах старого заброшенного города. Она сказала младшему брату, что встретилась с Королем фей и что он собирается взять ее к себе домой, чтобы она стала его королевой.

Диктор сообщает, что от старой деревни в лесу остались лишь каминные трубы и ямы от погребов. Кусты сирени и яблони на заросших дворах. Как ни странно, маленькое поселение называлось Рилаэнс[3 - Reliance (англ.) – надежность, уверенность.], и оно не было указано ни на одной карте. Вероятно, его обитатели вымерли от эпидемии гриппа в 1918 году. Или, как гласила местная легенда, пятьдесят с чем-то жителей были перенесены в мир иной. Глаза диктора хитро поблескивали, потому что все любят истории о призраках.

– Некоторые горожане, с которыми я беседовал, сообщили о странных звуках, доносившихся из леса, призрачном плаче и стенаниях. Кое-кто даже говорит, что если пройти мимо ночью, то услышишь, как дьявол шепчет твое имя. Другие говорят, что видели зеленый туман, который иногда принимает человеческую форму.

Камера ближним планом показывает морщинистое лицо старой женщины.

– В лесу не место для детей, – говорит она. – Рилаэнс населен призраками, и все знают об этом. Я даже своей собаке не разрешаю бегать туда.

Диктор говорит, что следов пропавшей девочки так и не обнаружили, не считая единственной серебристо-розовой кроссовки «Найк» шестого размера, найденной в яме от погреба. Потом камера откатывается назад и показывает панораму леса, такую же обычную, как и в окрестностях любого городка.

Фиби отворачивается от телевизора и пытается сосредоточиться на происходящем. Проводит пальцами по гриве волос (кажется, она стала еще гуще?) на спине мистера Эскимо. Тем не менее Фиби продолжает думать о лесе рядом с Хармони и гадает, где может находиться та самая дверь. В толстом древесном стволе? За валуном?

Большинство людей скажет, что никаких воображаемых дверей не существует. Но Фиби знает правду.

Не заглядывай под кровать.

Капля пота мистера Эскимо падает Фиби на грудь, отчего у нее пробегают мурашки по коже.

На самом деле это глупо. Бред какой-то. С детства она прячет под каждой кроватью, на которой ей приходится спать, что-нибудь большое и надежное: коробки с книгами, которые она никогда не читала, объемистые сумки со свитерами и обувью.

Она знает, что иногда он по-прежнему там – не под кроватью, но в тенях у автобусной остановки, шныряет вместе с бездомными кошками за мусорными контейнерами у ее многоквартирного дома. Он повсюду и нигде. Размытое пятно, намек на движение в уголке глаза. Насмешливая улыбка, которую она представляет.

Фиби невольно вздрагивает.

Мистер Эскимо кончает с ревом довольного оборотня.

– Как тебе? – спрашивает он, как только переводит дух.

– Как сливочный пломбир, – привычно отвечает она, стараясь отделаться от мыслей о дверях и разных существах, которые могут выходить оттуда.

– С вишенкой наверху? – с улыбкой спрашивает он.

– Мм, – откликается она. – Очень вкусная вишенка.

Он со смехом скатывается с нее.

– Эй, – говорит она. – Мы ведь близ Хармони?

– Рядом с Хармони, – поправляет он. По правде говоря, Фиби умеет говорить грамотно, но вставляет такие словечки, чтобы подзадорить его. – Да, это городок по соседству.

– Мы можем заехать туда, прежде чем вернемся? Я хочу посмотреть на лес, где пропала эта девочка.

Это появляется снова в темном углу комнаты, как раз за пределами зрения. Туманная фигура кивает и улыбается. Фиби скорее чувствует, чем видит ее. Она поворачивается, и фигура пропадает.

На въезде в Хармони, сразу за молочной фермой с покосившейся силосной башней, находится массивный валун с высеченной на нем молитвой «Отче наш». Фиби запомнила слова этой молитвы еще в воскресной школе, ее мать тогда встречалась с уверовавшим водителем грузовика, который держал блестящую пластиковую фигурку Иисуса на ветровом стекле.

Фиби крепче обнимает мистера Эскимо, когда слышит в голове слова: «Не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого».

Ее пробирает озноб, несмотря на жару и десятифунтовую кожаную куртку с миллионом карманов и молний, которую она выставила напоказ, пытаясь привлечь внимание мистера Эскимо.

Дорога изгибается налево и ведет к центру города. Справа стоит методистская церковь Хармони с доской объявлений, обещающей громадную благотворительную распродажу в субботу. Ниже заглавными буквами написано: МОЛИМСЯ ЗА ТО, ЧТОБЫ ЛИЗА ВЕРНУЛАСЬ ДОМОЙ ЖИВОЙ И ЗДОРОВОЙ. На другой стороне улицы находится универмаг, почтовое отделение и пиццерия. В городке полно репортеров, отчего мистер Эскимо начинает дергаться и нервничать.

– Я подожду здесь, – говорит он и останавливает мотоцикл возле универмага. – Если хочешь, погуляй вокруг.

Фиби нетрудно найти дом девочки. Она поворачивает с Мейн-стрит на Спрюс-стрит и видит большую старую развалюху с облупившейся краской, заросшей лужайкой и крыльцом, нуждающимся в новых перилах. Вокруг уже собралась толпа зевак, притянутых трагедией, как металлические крошки магнитом. Фиби стоит на другой стороне улицы, жарясь на солнце в своей тяжелой куртке, и изучает дом, который раньше, наверное, был довольно красивым. В левом окне наверху мальчик в футболке с Суперменом отодвигает занавеску и смотрит на людей. Его встрепанные темные волосы падают на глаза. Он смотрит на толпу, на Фиби, и внезапно она понимает, что не должна находиться здесь. Не надо было приходить сюда. Но это все равно что трогать волосы на спине у мистера Эскимо.

– Ты пришла, чтобы увидеть фей? – спрашивает ее какая-то девочка.

– А? – произносит Фиби и поворачивается к ней.

Девочке, наверное, не больше десяти, и она с ног до головы одета в розовое. К ее блузке прикреплен маленький дешевый пластиковый компас, похожий на призовую игрушку из коробки крекеров. А бледные руки, выглядывающие из коротких рукавов с рюшами, покрыты ярко-красными рубцами.

– Я подумала, что ты похожа на других. Что ты пришла сюда, чтобы увидеть фей. Потому что я могу тебе показать нечто действительно особенное, что принадлежит самому Королю фей. Пять долларов, и я покажу.

Фиби смотрит в окно и видит, что мальчик исчез. Она лезет в карман джинсов, достает мятую пятерку и протягивает ее.

– Следуй за мной, – говорит девочка.

Они проходят мимо толпы и машин с репортерами и идут по улице к белому дому. Там поворачивают во двор, огибают дом и идут мимо качелей и пересохшего огорода, который давно нуждается в поливе. Потом девочка вступает в лес.

– Держись поближе, – говорит она.

Фиби хочется сказать, что она не желает ничего видеть. Черт, а вдруг мистер Эскимо вообще не дождется ее; жена ждет его дома к ужину. Девочка идет очень быстро.

– Постой! – восклицает Фиби и устремляется за ней.

Она вспоминает слова старухи из новостей: «Детям не место в лесу».

Они трусцой бегут между деревьями, через ручей в темную чащу. Фиби хочет повернуть назад, но уже поздно. Она сама не найдет дорогу обратно – здесь нет ни тропинок, ни ориентиров. Везде одно и то же: деревья и камни, деревья и камни. Они спускаются по склону холма, где деревья расступаются перед ними. А потом Фиби видит на некотором расстоянии слева желтую полицейскую ленту, обмотанную вокруг деревьев.

– Туда, – говорит девочка и ведет ее в другую сторону.

– Что это было? – спрашивает Фиби. – То место, где пропала Лиза? Это Рилаэнс?

Девочка улыбается.

– Здесь везде Рилаэнс, мисс.

На ходу девочка начинает напевать мелодию песни, которую Фиби почти узнает. Потом мелодия превращается в «Голубой хрусталь»… это невозможно, никто младше сорока лет не слушает подобную музыку, но именно это она и слышит.

– Что ты поешь? – спрашивает Фиби.

– Я не пою, – отвечает девочка. – Подожди минутку, я скоро вернусь.

Она убегает вперед и оглядывается, чтобы убедиться, что Фиби осталась на месте.

Фиби смотрит на часы, беспокоясь о возвращении на Мейн-стрит, к универмагу, где ждет мистер Эскимо. Она представляет, как он расхаживает между стойками с дешевыми открытками, леденцами из кленового сахара и спреем от

насекомых. Он обязательно завяжет беседу с хозяином, как это принято между коллегами по малому бизнесу.

Вокруг тихо. Слишком тихо. Фиби не слышит ни птичьего щебета, ни комариного писка. Она вспоминает молитву «Отче наш». С какой стати ее высекли на обтесанном валуне? Почему бы не написать «Добро пожаловать в Хармони»? Она начинает читать молитву, потом останавливается и обзывает себя идиоткой.

Куда, черт побери, подевались все птицы?

Хруст ветки. Какая-то тень движется за деревьями. Фиби задерживает дыхание и облегченно выдыхает, когда из молодой рощицы выходит девочка в розовом. Она держит в руках бумажный пакет. Фиби смотрит, как она с улыбкой приближается, как болтается маленький компас, пришпиленный к ее блузке.

– Смотри, – говорит она и протягивает Фиби открытый пакет; та берет его и заглядывает внутрь. Сначала она чувствует запах, землистый и отдающий гнилью. Потом она понимает, что комок, на который она смотрит – это вовсе не комок. Это пальцы, распухшие и согнутые.

Фиби вскрикивает, роняет пакет и отступает на шаг.

Девочка разочарованно качает головой, потом берет пакет, открывает его и лезет внутрь. Фиби хочется кричать и умолять ее не показывать, что лежит внутри. Но когда девочка вынимает содержимое, Фиби видит, что это всего лишь перчатка. Коричневая перчатка из толстой кожи, сохранившая форму руки.

– Это его вещь, – говорит девочка.

– Чья? – спрашивает Фиби и подходит ближе. Ей хочется потрогать перчатку, но она боится. Это большая перчатка, покрытая бурыми пятнами и какая-то неправильная. Сбоку, сразу же за мизинцем, пришит дополнительный палец; черные стежки неровные и похожи на хирургический шов. Перчатка Франкенштейна.

Девочка улыбается и нежно поглаживает мягкую кожу дополнительного пальца.

– Короля фей, – отвечает она.

Часть I

Первый контакт

Из Книги фей

Случайностей не бывает.

Не бывает слепой удачи, везения или совпадений.

Представьте огромную и сложную паутину, которая соединяет все сущее.

Мы можем научить вас видеть эту паутину.

Мы можем научить вас быть пауками, а не мухами.

Вы поймете, как тесно связаны наши миры.

Вы поймете, что это мы, Фаэри, определяем вашу судьбу.

Скоро вы узнаете, что никогда не остаетесь одни.

Глава 1

Фиби

4 июня, наши дни

– Ты уверен, что это правильно? – спросила Фиби, изо всех сил стараясь выглядеть бодрой девушкой, любящей приключения.

Сэм посмотрел на карту и уточнил направление.

– Совершенно уверен, – немного обиженно ответил он. Он уже устал повторять, что они движутся в нужную сторону. Нет, они не заблудились.

Последний дом остался в нескольких милях позади. Они прошли по заросшим полям и коровьим пастбищам мимо заросшего пруда и вступили под сень густого хвойного леса. Вокруг не было никаких признаков цивилизации. Фиби понимала, что пора привыкнуть к этому после пятнадцати лет жизни в Вермонте, но она все еще испытывала нервозность, когда не знала, где находится ближайший «Макдоналдс».

– Где-то здесь есть настоящий вековой лес, – сказал Сэм, переводя взгляд с дороги на карту, раскрытую на сиденье между ними. – Может быть, завтра мы доберемся до него пешком.

– Вот радость-то, – буркнула Фиби. Сэм однажды привел ее в «вековой лес»: куча старых деревьев с табличкой перед ними. Сэм фотографировал и делал записи в маленьком путевом дневнике в черной обложке. Другие парни водили своих девушек в кино и рестораны. Жаркое свидание с Сэмом подразумевало топографические карты и пешие походы.

– Ты можешь остаться здесь и разложить пасьянс или заняться чем-то еще, – предложил Сэм.

Фиби потянулась и сжала его руку.

– Если ты собираешься в поход, то я с тобой. Старые деревья, вот и мы! – Она издала задорный ковбойский возглас «Йу-хуу!», и Сэм рассмеялся.

Уикэнд в уединенной лесной хижине не сочетался с представлением Фиби об уютном отдыхе. Когда Сэм впервые сказал ей об этом, она сначала решила сослаться на работу, но потом поняла, что нужно ехать с ним. Сэм с детства не видел свою кузину Эви – с того самого лета, когда пропала Лиза. На прошлой неделе Эви позвонила и как гром с ясного неба сообщила, что у нее есть новости о Лизе, что-то такое, о чем она может рассказать Сэму только при личной встрече. И, разумеется, Сэм рассказал Эви о находке старой «Книги фей», которая принадлежала Лизе, поэтому было решено, что им нужно встретиться как можно скорее. Эви арендовала на выходные дни хижину в северном графстве Вермонта и позвонила Сэму, чтобы сообщить ему схему проезда. Хижина находилась примерно в полутора часах езды к северу от того места, где жили Сэм и Фиби.

– Мы приедем к тебе, – сказала Эви. – Я уже целую вечность не была в Вермонте.

Сама хижина находилась в глубине леса, и туда можно было добраться только по старой лесовозной дороге.

– Мне говорили, что дорога в очень плохом состоянии, – сообщила Эви.

– Почему мы не можем встретиться в «Холидей Инн»? – пожаловалась Фиби, когда услышала это. – Или хотя бы в придорожной гостинице?

– Потому что у Эви все должно выглядеть как приключение, – сказал Сэм. – В этом отношении она всегда была точно такой же, как Лиза. Нельзя просто поехать на велосипеде в магазин за жевательной резинкой. Это должна быть проблема жизни и смерти, битва добра и зла из-за пачки «Даблминта», которая на самом деле является тайным противоядием от смертельного яда какой-то колдуньи.

Эви велела Сэму остановиться на грунтовом съезде с шоссе № 12, в полумиле после знака «Осторожно, лоси». Она со своим мужем Элиотом собиралась забрать их в 17.00 в пятницу.

– Не забудь «Книгу фей», – сказала Эви. – И все остальное, что могло сохраниться с того лета.

Вот почем Фиби присоединилась к Сэму в его поездке: узнать все возможное о Лизе (до прошлой недели Сэм редко упоминал о ней) и, наверное, наконец добраться до содержания знаменитой «Книги фей».

«Узнать все, что только можно, о Лизе, потому что Сэм точно ничего мне не расскажет». Этот пункт находился в верхней части списка ее маленького блокнота на спирали, который она носила с собой. Фиби нравилось составлять списки. Казалось, ничто не имело смысла, пока она не записывала это на бумаге, и ни одно дело не оставалось законченным, пока она не вычеркивала его из списка. Еще она наловчилась составлять списки «за» и «против». Фиби совсем не боялась, что Сэм обнаружит эту памятную книжку и узнает ее тайные мысли, поскольку он (как и все остальные) считал ее почерк совершенно неразборчивым. Он называл его «иероглифами». На самом деле это была система, которую она изобрела в детстве, после того, как застигла маму, читавшую ее дневник: аббревиатуры, зеркальное написание некоторых букв и слов, случайно вставленные цифры и знаки препинания, и все это маленькое, просто крошечное. Когда Фиби было нужно – например, на работе или в записке для Сэма, – она писала разборчиво, крупными печатными буквами, понятными для всех.

Разумеется, у Сэма был красивый почерк. Аккуратный, наклонный, почти такой же, как у его матери, – она научила Лизу и его самого почти безупречному каллиграфическому письму.

Они достаточно легко нашли нужный съезд, но Эви и Элиот опаздывали. Фиби опустила солнцезащитный козырек и посмотрелась в зеркало. Для тридцати пяти лет она неплохо выглядела, но уже замечала тонкие морщинки в уголках орехово-карих глаз. Она обнаружила лишь два-три седых волоса в своих длинных, почти черных локонах и выдернула их, пока Сэм не заметил. Фиби знала, что Сэму наплевать, но ей было не наплевать. Сэму недавно исполнилось двадцать пять лет, и Фиби, как ее дразнили подруги, крала младенца из колыбели. «Женщина среднего возраста», – как шутил Сэм.

Она достала из сумочки губную помаду и аккуратно накрасила губы. С тех пор как Фиби стала жить с Сэмом, она заметно убавила макияж, – он называл это «боевой раскраской» и клялся, что наиболее сексуальной она выглядит поутру, до того, как уложит волосы или займется лицом. Даже сейчас он закатил глаза при виде губной помады.

– Не знаю, кого ты пытаешься впечатлить, – сказал он. – Эви всегда отличалась мальчишескими ухватками.

Фиби пожала плечами.

Полтора часа ожидания в автомобиле, с его смешанным букетом из бензиновых выхлопов, старого пролитого кофе и сладковатого запаха лосьона после бритья, в конце концов истощили терпение Фиби. В желудке что-то подозрительно ворочалось; сальный привкус помады стал последней каплей.

– Думаю, мне нужно размять ноги, – сказала она, и ее рот наполнился слюной, как будто в любую секунду могла открыться рвота.

Сэм потянулся и взял ее за руку, поглаживая костяшки указательным пальцем.

– Ты в порядке, Би? Что-то ты очень побледнела.

Он пощупал ее лоб, проверяя температуру. Это был ласковый жест. Она взяла руку Сэма и поцеловала пальцы. Его ладони были в мозолях от работы с деревом и почернели: сосновая смола, смазка от бензопилы. Его пальцы слабо пахли бензином и лавандовым мылом.

– Все нормально, – сказала она и мягким движением убрала его руку с лица. – Просто слишком долго сидела в машине. Немного свежего воздуха, и я буду как новенькая.

Сэм кивнул и посмотрел на часы.

– Не уходи далеко. Они могут приехать в любую минуту.

Фиби шутливо отсалютовала ему и вышла из автомобиля, притворившись, что проверяет свои невидимые часы (она не выносила давления на запястья).

– Сверим часы, капитан, – сказала она. – Вернусь через десять минут.

– Только не заблудись! – окликнул он. – Оставь хотя бы след из хлебных крошек.

Глубоко дыша, чтобы справиться с тошнотой, Фиби наклонилась, чтобы завязать ботинки от «Док Мартенс». Она нашла их в магазине подержанной обуви и теперь всегда носила во время прогулок на природе.

Надежно завязав шнурки, Фиби двинулась вперед по лесовозной дороге, а Сэм оставался за рулем и изучал карту в очередной попытке убедиться, что они находятся в нужном месте. Сэм был основательным парнем, и Фиби находила это успокаивающим. Ее собственное чувство уверенности было подобно мотыльку, бессмысленно бьющемуся о лампочку.

Сэм и Фиби были вместе уже три года – факт, в который Фиби до сих пор не могла поверить. Они познакомились в ветеринарной клинике, где Фиби работала в приемной. Сэм принес раненую пеструю неясыть, которую нашел во время прогулки в лесу.

– Не знаю, что случилось, – задыхаясь, сказал он. Его руки кровоточили там, где сова немного порвала его своими когтями. – Я просто нашел ее в таком состоянии.

Сова была обернута в клетчатую фланелевую рубашку; ее глаза имели глубокий коричневый оттенок.

У Сэма были похожие глаза – темно-шоколадные, с самыми потрясающими ресницами, которые Фиби когда-либо видела у мужчины. Она мгновенно оценила его чувствительность, что было необычно для нее, поскольку ее регулярно привлекали бесчувственные «плохие парни». Она стала профессионалом в тупиковых отношениях с такими типами, чье представление о долговременных отношениях сводилось к еженедельным встречам за стойкой бара с закусками. Она не возражала – по крайней мере, это было привычно и безопасно. Но что-то случилось с ней, когда она увидела, как Сэм нянчится с этой совой, – как будто открылась дверь, и Фиби мельком увидела, чего ей не хватает.

– Картечь, – сказала доктор Острум, когда разложила сову на смотровом столе. Борьба закончилась, и теперь птица лежала вялой массой из рябых серо-коричневых, окровавленных перьев.

– Вы можете ее спасти? – спросил Сэм. Его глаза покраснели и слезились, голос был мальчишеским и прерывистым.

Доктор покачала головой.

– Лучший выход – эвтаназия.

Сэм сгорбился и наклонился вперед, упершись руками в стол.

– Кто это сделал? – надломленным голосом произнес он. – Кому понадобилось стрелять в сову?

И тогда Фиби сделала нечто совершенно нехарактерное для нее. Она накрыла ладонью согнутую руку Сэма, которая слегка дернулась от прикосновения. Фиби показалось, что она прикоснулась к раненому дикому животному; должно быть, Сэм чувствовал то же самое, когда держал на руках сову.

– Трагедии иногда случаются, и мы просто не знаем, почему это происходит, – сказала Фиби.

Они стояли в комнате, пока доктор Острум быстро и аккуратно сделала сове смертельную инъекцию. Размеренное движение оперенной груди замедлилось, потом остановилось. Фиби помогла Сэму вымыть и перевязать руки.

– Ее сердце билось так быстро, – сказал Сэм. – А эти глаза… Они как будто хотели сказать целую тысячу важных слов.

Фиби кивнула и оторвала еще один кусок лейкопластыря, не имея понятия о том, что этот добрый парень с окровавленными руками и убийственными ресницами был тем самым Сэмом, братом девочки, которая отправилась в лес на встречу с феями и исчезла бесследно. Тем маленьким мальчиком в футболке с Суперменом, который мельком выглянул из окна.

На следующие выходные он пригласил Фиби в пеший поход, и она согласилась, но пришла в мини-юбке и сланцах.

– Вижу, ты не любительница природы? – сказал Сэм. По ее настоянию они все-таки отправились в путь. Во второй половине дня она вышла из леса обгоревшей на солнце, с волдырями на ногах и в отвратительном настроении. Но дело того стоило. Впервые в жизни она по-настоящему поняла старую пословицу «Противоположности притягиваются друг к другу». Они совершенно не подходили друг другу, и он не принадлежал к ее типу мужчин (выпускник колледжа и член партии «зеленых»), но каким-то образом это усиливало притяжение, делало его более дерзновенным.

Позднее, когда Фиби спросила, что такого Сэм увидел в ней, он улыбнулся.

– Ты такая, какая ты есть, Би. Никогда не угадаешь, что ты скажешь в следующий момент или в какую безумную авантюру втянешь. Ты резкая и ничего не держишь за пазухой. Тебе наплевать, что думают другие люди. И секс потрясающий. – Он подмигнул ей.

Сэм укрепил ее, придал ей ощущение надежности. А она научила его быть немного более бесшабашным и менее надежным. С тех пор как они сошлись, она уговорила его попробовать мелкую кражу в магазине (он украл дешевую пластиковую зажигалку с логотипом «НАСКАР»), заняться сексом на заднем сиденье автобуса «Грейхаунд» и сходить на фильмы ужасов (он делал вид, что ему не нравится, но всегда напоминал о премьерах).

И сначала, и теперь Фиби казалось, что у каждого из них было то, что нужно другому: недостающий фрагмент, с помощью которого все волшебным образом вставало на свои места.

Тем не менее она еще долго ничего не знала о Лизе.

Прошли месяцы (тогда Фиби уже была без ума от него), прежде чем она поняла, кем был Сэм на самом деле. Человек, обеспечивший ее благополучие и прогнавший ночные кошмары, имел свои секреты и свою темную историю, которую, если быть откровенной, она жаждала узнать хотя бы частично.

Фиби обходила рытвины и промоины, и ей на глаза попался маленький и гладкий оранжевый камень в форме человеческой почки. Когда Фиби опустошала карманы в конце дня, Сэм часто дразнил ее и говорил, что ее назвали в честь неправильной птицы[4 - Фиби (Phoebe) – чибис (прим. перев.).]. «Ты моя

сорока», – говорил он.

Их дом был полон маленьких сокровищ, которые Фиби собрала за прошедшие годы: птичьи гнезда, змеиная кожа, ржавые монеты, старые рельсовые шпалы и даже беличий череп. Сэм говорил, что ее растущая коллекция превращает дом в подобие хижины жрицы Вуду. Когда она познакомилась с ним, единственным украшением в его доме были топографические карты, прикрепленные к стенам. Фиби вставила их в рамки и развесила в гостиной и кабинете, где они составили отличное сочетание с ее безделушками. Она купила несколько декоративных подушек, вытащила из шкафа мексиканские одеяла Сэма и устроила гнездышко на диване. Она чувствовала себя настоящей хранительницей очага и начинала гадать, что случилось с прежней Фиби, которая не представляла себе совместную жизнь с мужчиной и тем более роль домохозяйки из Вермонта. Тем не менее в глубине души она ждала, когда все пойдет ко дну: это было слишком хорошо, чтобы оказаться правдой, и не могло продолжаться долго. И где-то еще глубже она чувствовала, что, наверное, не заслуживает этого, что сама принадлежит к миру мелких воришек и парней, которые пьют пиво «Пабст» на завтрак.

Но сказочная жизнь продолжалась. Вскоре они добавили к коллекции моментальные снимки, где вдвоем ставили палатку и плавали на каноэ, как счастливая пара из каталога туристической фирмы. Мало-помалу гардероб Фиби стал более практичным, нежели сексуальным: короткие шорты и винтажные камзолы сменились флисовыми рубашками и теплым бельем. Она отрастила волосы наподобие диковатой женщины-хиппи. В первый год их совместной жизни Фиби подарила Сэму на день рождения эстамп с изображением пестрой неясыти из книги Одюбона[5 - Одюбон, Джеймс (1785–1851) – американский натуралист, автор иллюстрированной книги «Птицы Америки», которая считается настоящим раритетом (прим. перев.).] в память о птице, которая свела их вместе. Эстамп висел над их кроватью, и сова наблюдала за ними, сплетая мудрое птичье заклинание, каждую ночь соединявшее их.

С Сэмом Фиби чувствовала себя легко и спокойно. Впервые в жизни она не видела ночных кошмаров и не замечала призрачных фигур, следивших за ней из теней или копошившихся под кроватью. Глупые страхи детства и ранней юности стали отдаленным воспоминанием, как будто снились какой-то другой девушке.

Был первый июньский уик-энд, и мошка? вылетела в полную силу. Рой крошечных насекомых вился вокруг Фиби; они лезли ей в глаза, уши и нос. Она жила в Вермонте уже пятнадцать лет и до сих пор не привыкла к нашествию мошки. Насекомые почему-то не досаждали Сэму. Наверное, они предпочитали кровь чужаков, а урожденные вермонтцы обладали природными иммунитетом.

Она сунула оранжевый камень в передний карман потрепанных джинсов, удерживаемых кожаным ремнем (еще одна находка на благотворительной распродаже) с огромной серебристой пряжкой, на которой красовался автоприцеп под надписью «Король дороги». Сэм поддразнивал Фиби насчет этого ремня, но считал его сексуальным. Она исполняла перед ним нечто вроде танца живота, сверкая пряжкой и низким, манящим голосом напевая песню Роджера Миллера: «Я состоятельный без состояния… Я король дороги…»

Сейчас она достала из заднего кармана зеленый блокнот на пружинке и пролистала его до последней страницы, где раньше написала:

ЦЕЛИ НА ВЫХОДНЫЕ:

Встретиться и подружиться с Эви.

Узнать все возможное о Лизе и феях.

Она стояла, глядя на страницу, когда почувствовала, что кто-то наблюдает за ней. Может быть, Сэм все-таки решил присоединиться? Она обернулась и посмотрела на тропинку, почти ожидая его приближение. Она скажет: «Как, ты все еще боишься, что я заблужусь?» – и он рассмеется.

Но там никого не было.

Или… Она могла бы поклясться, что видела тень, быстро метнувшуюся за дерево слева от нее, примерно в десяти ярдах впереди. Нечто слишком высокое для лисы или койота. Кожу на голове начало пощипывать, руки покрылись мурашками.

– Эй! – позвала Фиби, но голос прозвучал пискляво и пресекся из-за комка, застрявшего в горле. Она закрыла блокнот и медленно пошла к дереву. Ничего.

– Ты слишком долго пробыла в этом чертовом автомобиле, – прошипела она себе. Фиби вообще находилась на грани с тех пор, как позвонила Эви. Казалось странным, что «Книга фей» появилась почти одновременно со звонком давно утраченной кузины Сэма. Сам он лишь пожал плечами и сказал, что жизнь полна совпадений и было бы суеверием приписывать особое значение каждому из них.

Приободрившись от быстрой ходьбы и свежего воздуха, Фиби запустила пальцы за пояс и направилась к автомобилю. Отгоняя насекомых, она молилась о том, чтобы Сэм не забыл прихватить баллончик с репеллентом. Она невольно ускорила шаг и несколько раз оглянулась по пути. Лишь когда показался автомобиль, она испытала облегчение, смешанное с некоторым замешательством.

Сэм по-прежнему сидел за рулем и не заметил ее демонстративную походку, когда она вразвалочку подошла к нему. Он смотрел на пластиковую папку с замочком, где лежала драгоценная «Книга фей». До сих пор Фиби видела только потрепанную зеленую обложку и название, выписанное расплывшимся каллиграфическим почерком. Сегодня вечером Сэм и Эви собирались открыть книгу и внимательно прочитать ее, страницу за страницей. Вещь, которую держал Сэм, могла оказаться ключом к разгадке того, что произошло с Лизой. Книга, как и сама Лиза, пропала на пятнадцать лет, но теперь она была здесь, лежала на коленях Сэма, пока он сидел в их стареньком «Меркурии».

– Думаешь, нам не следует показать ее полицейским? – спросила Филлис, мать Сэма, когда они нашли «Книгу фей». Это произошло на прошлой неделе, когда Сэм проник в тесный чердак материнского дома. Мать с беспокойством смотрела на книгу и переплетала пальцы. – Почему бы тебе не оставить ее здесь, а я позвоню им, и пусть они просмотрят ее.

Сэм покачал головой.

– Сначала мне нужно самому просмотреть ее, – ответил он. – Потом я привезу ее обратно, и мы вместе позвоним в полицию.

Но он не читал книгу. Насколько было известно Фиби, он даже открыть ее не смог. Он запечатал ее в пластиковой папке, словно улику для полицейского расследования, и спрятал в тайном месте, о котором не сказал даже Фиби. Она не стала давить на него. Фиби понимала, что скоро сама все увидит; нужно лишь проявить терпение.

Они сказали его матери, что нашли книгу случайно, что Сэм полез на чердак за коробкой со старыми бейсбольными карточками, которые могут стоить каких-то денег на eBay, но это была неправда. На самом деле Фиби позвонила маленькая девочка.

– Ты уверена, что это была девочка? Какого примерно возраста? – спросил Сэм, когда вернулся с работы и она рассказала ему о звонке. Он говорил жестко и быстро, почти обвиняющим тоном, как будто подозревал, что Фиби все выдумала.

– Не знаю. Судя по голосу, очень юная. Я едва слышала ее голос.

Фиби умолчала о своем главном впечатлении: голос был испуганным и почти задыхающимся.

– Она сказала: «Пусть Сэмми залезет на чердак и посмотрит за изоляцией». Потом она повесила трубку.

Сэм побледнел.

– Ты что-нибудь понимаешь?

Он кивнул.

– Это место на чердаке. Лиза любила играть там.

В десять минут седьмого кузина Сэма и ее муж приехали на черном джипе с открытым кузовом. Сэм пытался звонить им, но сотовый оператор не поддерживал связь на таком расстоянии. На джипе были массачусетские номера.

– Я думала, они приехали из Филадельфии, – сказала Фиби.

– А? – отозвался Сэм, не расслышав вопрос, и выбежал из автомобиля навстречу двоюродной сестре.

– Извини за опоздание, – объявила Эви, когда выбралась из джипа и обняла Сэма. Она крепко прижала его к себе и добавила: – Господи, не могу поверить, что это ты. Прошло столько времени, Сэмми!

Сэм показал Фиби старую фотографию Эви, когда той было тринадцать лет: коренастая, с плохой стрижкой, в засаленном техническом комбинезоне и огромных рабочих ботинках. Женщина из джипа не имела никакого сходства с той девочкой. Она прекрасно выглядела, темные волосы были стильно подстрижены, а губы были накрашены красной помадой такого оттенка, который очень гармонировал с кожей.

Элиот обменялся рукопожатием и помог им перегрузить вещи в открытый кузов джипа. Он был компанейским, явно не городским парнем, одетым в джинсы, футболку и жилетку с сотней карманов. Аккуратно подстриженную бородку дополняли очки в металлической оправе.

– Готовы? – спросил он. – Это недалеко, еще около двух миль.

Фиби и Сэм устроились на заднем сиденье. Пока Элиот вел джип между промоинами так называемой дороги, Фиби обратила внимание на то, что сначала показалось кольцом, но на самом деле было татуировкой: группой кельтских узлов вокруг безымянного пальца его левой руки. Эви имела точно такую же татуировку на левом безымянном пальце. Словно брачные кольца. Кроме того, к ужасу Сэма, Эви любила обниматься. Она трижды крепко обняла его еще до того, как они вошли в хижину. От нее исходил слабый аромат пачули (еще одна вещь, ненавистная Сэму; он называл пачули «жалким клише», хотя Фиби не считала, что запах можно считать стереотипом).

Фиби и Эви оказались одни на кухне, раскладывая продукты, пока мужчины разгружали джип. Фиби чувствовала, что Эви изучает ее. В какой-то момент Фиби остановилась, повернулась к Эви и увидела странную улыбку на ее лице.

Фиби нервно улыбнулась в ответ.

– Что такое? – наконец спросила она, уверенная в том, что что-то пропустила. Это была защитная реакция, как будто над ней хотели подшутить, а она даже не сознавала этого.

Эви посмотрела ей в глаза и спросила:

– Когда рожать?

Фиби едва не споткнулась от потрясения, ударившись о стертый угол пластиковой столешницы.

– Что? – повторила она, потому что Эви продолжала улыбаться.

– Вы беременны, разве нет?

– Беременна? Ничего подобного. Почему вы так думаете? – Фиби с подозрением взглянула на свой живот, гадая о том, не мог ли индийский эль, который так любил Сэм, наградить ее пивным животиком.

– Ваши глаза, – пояснила Эви. – Беременную женщину всегда можно распознать по свету в глазах.

– Но я не беременна. – Определенно, нет. Фиби была уверена, что она не способна иметь детей. Она много раз проявляла неосторожность, и тем не менее каждые двадцать восемь дней месячные приходили как по часам. То же самое будет и сейчас. Она упаковала тампоны, собираясь на этот уик-энд.

Эви рассмеялась и положила ладонь на живот Фиби, как раз над пряжкой «Король дороги».

– Извините, значит, я ошиблась.

Фиби слегка вздрогнула от такого откровенного жеста, но потом собралась с силами и выдавила улыбку.

– Все нормально, – сказала она, пытаясь вспомнить, сколько времени прошло после очередных месячных.

Может быть, задержка?

Она сунула руку в карман и потерла оранжевый камешек – на всякий случай, чтобы отогнать беспокойство.

Глава 2

Лиза

6 июня, пятнадцать лет назад

Когда Лиза впервые услышала колокольчики, ей показалось, будто поет весь лес.

– Ш-ш-ш, – обратилась она к Сэму и Эви, прижав палец к губам. – Слушайте.

Издалека, от подножия холма, донесся тихий перезвон колокольчиков. Он напомнил Лизе о колокольчике на ее первом велосипеде, на котором она разъезжала по дорожке перед домом, весело названивая и делая вид, что управляет тележкой с мороженым или машиной «Скорой помощи».

– Что это? – спросила Эви, скорчив гримасу. Эви было тринадцать – на год больше, чем Лизе, – и некоторые люди, впервые встречавшие ее, подозревали задержку в развитии. Она была полноватой, никогда не причесывалась и одевалась как мальчишка. У нее уже были настоящие груди – не комариные укусы, как у Лизы, – и Эви пыталась скрывать их под плотной белой футболкой и мужскими комбинезонами. Она носила кожаные рабочие бутсы на несколько размеров больше. Она называла их «мои говнодавы». А в качестве финального штриха был большой охотничий нож в кожаных ножнах, пристегнутый к поясу.

Колокольчики звенели и продолжали звать их.

Лиза покачалась на пятках и посмотрела на небо через спутанный занавес темных ветвей. Она была самой высокой девочкой в классе, тонкой и жилистой, и рядом с приземистой, коренастой кузиной казалась существом другого вида.

– Это лес разговаривает с нами, – сказала Лиза. – Разве не похоже на тоненькие голоса?

– Ты спятила, – сказал Сэмми. – Деревья не разговаривают.

Как всегда, он был самым серьезным.

– Тогда что это, как ты думаешь? – спросила Эви. Казалось, она немного нервничает и ощущает себя не в своей тарелке.

– Не знаю, но деревья и камни не имеют голосовых связок, – сказал он.

– Есть другие способы для разговора, – объяснила Лиза, думая о том, что иногда ее беседы с Сэмми похожи на поединок: удар, парирование, удар. – Иногда ты слышишь ушами, а иногда твое тело становится антенной, и ты воспринимаешь все вокруг.

Она не сказала, что это болезненное ощущение, что эти голоса могут причинить ужасную головную боль, если ты устал: птицы-кардиналы, черви, белки с орехами в защечных мешках – все стараются переболтать друг друга. Даже у деревьев есть свои истории.

– Сюда, – сказала Лиза, пробежав по заднему двору и углубившись в лес.

– Подожди! – крикнула Эви, но Лиза не замедлила ход.

Городские дети придумали для Эви кличку Стьюи. Когда Эви не было рядом, Лиза играла с другими детьми, вроде Джеральда и его сестры Бекки, которые жили неподалеку. Но она бросала их, когда приезжала кузина, потому что они скверно относились к Эви.

– Хочешь пойти с нами в кино, Лиза? – насмешливо спрашивал Джеральд и тут же добавлял: – Извини, я забыл, что приехал Стьюи. Как вы развлекаетесь с этим

милым мальчиком?

Всем в школе было известно, что Джеральд втюрился в Лизу, но ей была ненавистна сама мысль об этом. Она знала его всю жизнь, и это был лишь придурковатый Джеральд, тощий мальчишка с желтыми глазами, вечно заляпанный краской и клеем от своих моделей.

– Он просто ревнует, – сказал Сэм Лизе. – Сходит с ума, потому что ты предпочитаешь проводить время не с ним, а с Эви.

У Лизы болел живот от мыслей о таких вещах, как ревность, влюбленность, груди и девочки, которые хотят быть похожи на мальчиков. Все вдруг необычайно усложнилось, и ей было ненавистно думать об этом. Взросление – это какая-то лабуда. Иногда ей хотелось вернуться назад во времени вместо того, чтобы двигаться вперед – просто становиться все младше и младше, пока она не окажется головастиком в мамином животе, потом пятнышком, а потом ничем, просто духом Лизы О’Тул, парящим в космосе.

– Может, Джеральд и урод, но он не такой уж плохой, – сказал Сэм.

– Лучше бы он со своей сестричкой укоротил язык, – отозвалась Лиза. Она была расстроена из-за Джеральда и Бекки, и из-за Эви тоже. Если бы кузина хотя бы попробовала вписаться в компанию, все было бы гораздо проще. Но тогда она не была бы Эви.

Прошлым летом Эви целый месяц отказывалась расчесывать волосы, пока они не превратились в крысиное гнездо. В конце концов тетя Хейзел постригла ее машинкой, отчего голова Эви стала похожа на щетинистую картофелину. Это считалось страшным наказанием и уроком на будущее, но Эви очень понравилось. Она ходила вокруг и упрашивала всех пощупать ее голову.

– Разве это не классно? – ворковала она и мурлыкала, как кошка, когда люди гладили темную щетину.

– Когда я с вами, то знаю, что каждую минуту может случиться что-то волшебное, – сказала она Лизе.

Эви верила в магию, в призраков и перевоплощение.

– Мы знали друг друга на протяжении многих жизней, – сказала она Лизе поздно вечером, когда они лежали во дворе в спальных мешках. Сэмми, лежавший между ними, давно заснул. Стрекотали сверчки. Эви скрестила пальцы с обкусанными ногтями и сказала:

– Мы с тобой такие.

Лиза посмотрела на пальцы. Две переплетенные змеи.

– Змеиные девы, – пробормотала Лиза, изогнувшись в своем спальнике, чтобы подобраться поближе к Эви. Та переплела пальцы с пальцами Лизы, прижалась губами к ее уху и высунула язык.

– Х-ш-ш, х-ш-ш.

Они бежали по лесу, так что ветер свистел в ушах, а тонкие ветки щекотали лицо. Они знали дорогу наизусть. Колокольный звон доносился из-за холма. Из Рилаэнса.

Уже начинало темнеть, но мать Лизы и тетя Хэйзел позволяли им задерживаться допоздна, особенно теперь, когда отец вернулся из больницы домой. Им полагалось вести себя тихо и не нарушать его покой.

– Последнее, что нужно твоему отцу, – это три диких зверька, бегающих по дому, – сказала мать Лизе.

Лиза подумала, что отцу не помешала бы небольшая пробежка. Но она держала язык за зубами и на цыпочках ходила вокруг него, как будто он был спящим великаном. Казалось, после возвращения домой он только и делал, что спал. Тетя Хэйзел приносила ему подносы с едой, чай и лекарства. Она была сиделкой, и мать Лизы говорила, что сейчас ее помощь очень нужна. Хэйзел умела заботиться о таких людях, как ее отец. Он лежал на кровати под горой теплых одеял, и его глаза большую часть времени были закрыты. Когда они открывались, то казалось, что он все равно спит. Он смотрел сквозь тебя, словно

ты была призраком.

– Бу! – иногда говорила ему Лиза в надежде на реакцию, но ничего не получала взамен.

Рилаэнс был полон призраков – по крайней мере, так говорили некоторые горожане. Люди утверждали, что видели зеленые огни и туман, который превращался в человека, ходившего по опушке леса и бормотавшего на неслыханном языке. Миссис Мэтток, которая держала кафе «У Дженни», пока ее бедро совсем не разболелось, говорила, что в лесу есть некая волшебная дверь, скрытая где-то в руинах заброшенного поселка.

– Люди не могут исчезнуть без следа, – сказала она. – Во всяком случае, не целый поселок. Вам, ребятишки, нельзя там играть.

Старый Карл Дженсен сказал, что потерял в Рилаэнсе двух собак. Они убежали в лес и больше не вернулись.

– Самое странное, что когда время от времени я прохожу там, то до сих пор слышу лай этих собак, – говорил он, когда пересказывал свою историю всем, кто хотел слушать. – Я зову их, и тогда они начинают выть, но так и не выходят. Войдя в ту дверь, никто не возвращается, как бы сильно ни хотел.

Лиза была уверена, что если бы в Рилаэнсе имелась волшебная дверь, то к этому времени они бы нашли ее. Несмотря на предупреждения, они всю жизнь играли в этом лесу. Они знали каждое дерево, каждый валун, каждый замшелый кирпич в каждой яме от погреба. Тетя Хэйзел рассказала им, что когда-то в поселке было пять домов, два амбара, кузница и даже церковь. Теперь от домов остались лишь фундаменты квадратной формы с ямами от двух до четырех футов глубиной, заросшие сорняками, усеянные листьями, обломками кирпича и цементной крошкой. Пустые, как дыры на месте вырванных зубов. Раньше лес был сочным лугом, где паслись коровы, овцы и лошади. Иногда на закате Лизе казалось, что если прищурить глаза, то можно увидеть поля и дома и даже заметить движение: лицо в окне, распахиваемая дверь.

«Призрачное место», – говорили горожане, и Лиза в принципе соглашалась с ними. Но это было хорошее призрачное место. Если там скрывалось нечто злое, она бы почувствовала это.

На юго-восточной окраине заброшенного поселка за ямой, которая, по их предположению, была фундаментом церкви, находилось крошечное кладбище с пятью надгробными камнями, настолько выветренными от непогоды, что невозможно было прочитать имена или даты. В начале лета Лиза собирала незабудки и оставляла букетики на каждой могиле.

Они держались подальше от старого колодца на северной окраине деревни – окруженного камнями, темного и глубокого. Оттуда несло серой. Они старались не тревожить остатки низкой каменной стены вокруг Рилаэнса. С годами они узнали, что если прийти с лопатой, то можно найти разные вещи: ржавые болты, пуговицы и бутылки из мутного стекла. Однажды они нашли длинную грязную кость.

– Это бедренная кость, – сказал Сэмми. – Может быть, от животного, а может, и нет.

Эви принесла кость домой и хранила ее в книжном шкафу. Она объясняла интересующимся, что это окаменелые останки пещерного человека по имени Эрб.

Лиза повела Эви и Сэма вниз по склону холма, по направлению к колокольному звону. Это было слабое звяканье, словно кто-то чокался тонкими стеклянными бокалами.

– Подожди! – сказала она и схватила Сэмми за шиворот футболки. Тот встал как вкопанный, немного задыхаясь. – Смотри! – прошептала она, толкая его вниз, так что оба опустились на колени. Эви, которая немного отстала, поравнялась с ними и присела на корточки. У нее была астма, и, когда она бегала, дыхание со свистом вырывалось у нее из груди. Иногда это до смерти пугало Лизу – было страшно видеть, как ее большая и сильная кузина хватает ртом воздух, словно бледная рыба, выдернутая из воды.

Лиза поморгала, до сих пор не вполне уверенная в том, что же она видит.

– Что это? – спросила она.

У подножия холма, в одной из старых подвальных ям, танцевали маленькие огни. Два пятнышка белого света мигали, перелетая с одной стороны ямы на другую, поднимаясь вверх и опускаясь вниз, отскакивая от деревьев и ныряя в яму.

– Светлячки? – предположил Сэмми, но это были не насекомые. Даже Сэмми с его научными наклонностями понимал это. Лиза определила по тону его голоса.

– Это не… – отдуваясь, прошептала Эви. Она положила ладонь на холодную и потную руку Лизы, немедленно покрывшуюся мурашками.

Лиза не двигалась с места и прислушивалась, но не слышала ни звука. Только астматическое дыхание Эви и слабое звяканье колокольчиков. Казалось, будто весь лес затаил дыхание.

– Пошли, – сказала Лиза, поднимая Сэмми на ноги. Она посмотрела на тяжело дышавшую Эви, которая забыла свой ингалятор. – Эви, ты остаешься здесь.

– Чепуха. – Эви начала подниматься.

Они галопом устремились вниз по склону, но, пока они бежали, огоньки исчезли. Звук тоже прекратился. Они пересекли крошечный ручей, прыгая, как оленята.

Когда они добрались до подвальной ямы, там ничего не было, даже стрекота сверчка. Но воздух гудел и вибрировал, как после грозы.

– Ты это чувствуешь? – спросила Лиза.

Эви наклонилась, положив руки на колени и тяжело отдуваясь. Она подняла голову и кивнула.

– Они… смотрят, – пропыхтела она.

Даже здравомыслящий Сэмми был сам не свой.

– Давайте убираться отсюда, – сказал он.

Лиза осмотрела деревья. Ни звука и никакого движения. Тем не менее она чувствовала: где-то там кто-то или что-то наблюдало за ними.

Глава 3

Фиби

4 июня, наши дни

На ужин была жареная форель с печеной кукурузой и молодой рукколой. Эви и Элиот оказались превосходными поварами, особенно по сравнению с Фиби, чей талант заключался в пригоревших и слипшихся макаронах. Фиби выпила бокал вина, которое сразу ударило в голову. Оно было розовым и сладким, с малиново-карамельным привкусом. Но в послевкусии скрывалось нечто горькое, отчего язык Фиби пересох и съежился во рту.

– Его делают наши друзья, – объяснила Эви.

Фиби больше не пила, но остальные допили бутылку, а потом другую. Они трудились над третьей, когда Сэм разжег камин. Фиби то включалась, то отключалась, стараясь уследить за разговором, но она слишком устала и не могла справиться с информационной перегрузкой. Ей хотелось спать. Накрыться одеялом и уткнуться носом в бок Сэма.

Весь вечер она внушала себе, что это невозможно: она не могла забеременеть. Тем не менее беспокойство глодало ее изнутри, как пес гложет старую кость. Она была совершенно уверена, что последние месячные у нее наступили в день рождения Франни, ее подруги, а это было в конце апреля. Больше месяца назад.

– Но если мы вообразили это, то есть если этого не существовало, то как объяснить книгу? – спросила Эви. Она наклонилась к Сэму; ее раскрасневшееся от вина лицо находилось лишь в нескольких дюймах от его лица. Фиби пошире открыла глаза. Неужели Эви флиртует с Сэмом, или так ведут себя кузены? Фиби никогда не сближалась со своими кузенами и теперь не могла вспомнить даже их имена, только мелкие факты вроде того, что одна забеременела в тринадцать

лет, а другому нравилось устраивать пожары. Настоящие сливки общества. Фиби догадывалась, что кузены тоже придерживались невысокого мнения о ней и о ее семье в целом. Однако что-то в поведении Эви заставило ее насторожиться.

Элиот казался невозмутимым. Он сидел в глубоком кресле и подравнивал ногти перочинным ножом, хранившимся в одном из многочисленных карманов его жилета. Фиби подумала, что такой жилет подошел бы для фокусника: за этот вечер Элиот извлек оттуда спички, штопор, мобильный телефон, цифровую камеру, приемник GPS, мятные леденцы, зубочистки в маленьком серебряном футляре, пачку ментоловых сигарет и даже миниатюрный набор первой помощи, когда Эви порезалась, чистя рыбу. В его жилете хранилось больше вещей, чем Фиби носила в своей сумочке, у нее там обычно лежали мобильный телефон, губная помада, блокнот на спирали и карманный сборник головоломок с огрызком карандаша.

– А как насчет подарков, которые он ей оставил? – спросила Эви. – Тех, что прикреплены к браслету с брелоками?

– Не знаю, – признался Сэм и сгорбился в кресле, уменьшившись в размерах и став немного похожим на мальчишку. Фиби потянулась и взяла его за руку.

Элиот, который почти все время молчал, встал, потянулся, налил себе еще вина и подошел к окну у входной двери. Он открыл окно, достал сигареты и закурил, аккуратно выдувая дым наружу.

– Я никогда не слышала о браслете с брелоками, – сонно сказала Фиби. С другой стороны, она вообще мало что слышала об этой истории; во всяком случае, не от Сэма. У нее были лишь собственные воспоминания и то, что ей удалось выяснить после визитов в библиотеку и изучения старых газетных статей. Там нигде не упоминалось о браслете. Но полицейские знали о нем, верно? Они держали некоторые подробности при себе и могли понять, кто обладает реальной информацией, а кто просто ищет свои пятнадцать минут славы.

– Боже, она любила его, – сказала Эви. – Он был серебряный, и она прикрепила к нему брелок со своим именем. И маленькую морскую звезду, которую нашла тем летом в Кейп-Код. А потом феи стали оставлять подарки, и она прикрепляла их к браслету.

– Что за подарки? – поинтересовалась Фиби, наклонившись вперед и вытянув ноги. Она смотрела на Сэма, но знала, что на вопрос ответит Эви.

– Там был старый цент с головой индейца, начищенный до блеска. И католический медальон, кажется, святой Кристофер. Что-нибудь еще, Сэмми?

– Не думаю, – ответил Сэм. Он еще глубже вжался в кресло, словно старался вообще исчезнуть.

– Так что случилось с браслетом? – спросила Фиби.

– Точно не знаю, – сказал Сэм и отвел взгляд, поэтому Фиби показалось, что он лжет.

Фиби узнала, кто такой Сэм, лишь через три месяца после их знакомства, когда он привел ее домой к своей матери. Когда они въехали в город и миновали валун с молитвой «Отче наш», Фиби невольно поежилась. Она едва не задохнулась от удивления, когда он остановился на Спрюс-стрит перед старым просторным домом с пристройками, перед которым она сама когда-то стояла, затерявшись в толпе зевак.

«Ты пришла, чтобы увидеть фей?»

– Это твой дом? – спросила Фиби, выдавив слова через комок, подступивший к горлу.

– Ну да.

– Я хочу сказать, ты действительно вырос здесь, а не переехал сюда, когда учился в школе или позже?

– Это наш дом, Би. Его построил мой прадед. А теперь пойдем, маме не терпится познакомиться с тобой.

Она последовала за Сэмом к парадной двери и остановилась, чтобы посмотреть на левое окно второго этажа, вспоминая маленького мальчика в футболке с

Суперменом. Мальчика, с которым она случайно познакомилась много лет спустя, когда он пришел в клинику и принес раненую сову, завернутую во фланелевую рубашку. Человека, в которого влюбилась. Было почти невыносимо думать о том, что она видела его десятилетнего и каким-то образом была причастна к худшим моментам в его жизни.

Когда Фиби вошла в дом, недавно покрашенный, с отремонтированным крыльцом и яркими маргаритками в цветочных ящиках, то решила, что не будет рассказывать Сэму о своем визите сюда в ту неделю, когда пропала Лиза. Что в этом хорошего? Даже потом, когда Фиби нашла время для составления списка, аргументы против этого поступка далеко превосходили все остальные.

– Какой у вас чудесный дом, – сказала она, когда обменялась рукопожатием с Филлис на освещенной кухне. Фиби твердо вознамерилась произвести хорошее впечатление. – И очаровательный маленький городок. Думаю, я проезжала его, но ни разу не останавливалась.

Сэм подбросил в огонь еще одно полено. Элиот докурил сигарету и щелчком отправил окурок в темноту за окном, а потом закрыл створку. Фиби дрейфовала между сном и явью. Она гадала, каким образом Эви сохраняет помаду на губах, хотя пьет вино. Может быть, она не касается бокала губами? Или только притворяется, что пьет?

– Ты привез книгу? – наконец спросила Эви, и Сэм кивнул. Фиби резко выпрямилась, и ее сердце учащенно забилось при мысли о том, что они собираются открыть книгу, оставленную для Лизы в подвальной яме заброшенного призрачного поселка. Книгу, предположительно написанную Королем фей; книгу с инструкциями, которыми Лиза воспользовалась для перехода на другую сторону.

– Мы посмотрим ее утром, когда в голове немного прояснится, – сказала Эви и потянулась, положив руку на плечо Элиота. – Сейчас уже поздно.

Она посмотрела на часы, и Фиби тоже взглянула на часы Сэма; было около полуночи.

– Но прежде чем мы ляжем спать, я хочу вам кое-что показать, – продолжала Эви. Она пошарила в кармане джинсов, достала сложенный листок бумаги и протянула Сэму, который выпрямился, развернул листок и расправил его. Это был лист бумаги для заметок с репродукцией старой ботанической гравюры в левом верхнем углу. Ландыш, крошечные цветы с сонно кивающими головками. Внизу были две строчки, написанные мелким почерком. Фиби наклонилась поближе.

Я вернулась из страны фей. Скоро увидимся.

Лиза

– Как ты это получила? – спросил Сэм.

– Его оставили в моем почтовом ящике на прошлой неделе. Незадолго до того, как я позвонила тебе. – Эви немного подождала, давая Сэму время изучить записку, и спросила: – Думаешь, это действительно она? Как это может быть, после стольких лет?

– Это невозможно, – сказал Сэм. Его лицо было каменным, и на нем Фиби прочла ту же фразу, которую Сэм повторял уже несколько лет: «Лиза пропала, ушла из нашего мира, и мы ничего не можем поделать, только продолжать жить дальше».

Практичный Сэм. Это было одно из качеств, восхищавших Фиби: его способность оставлять прошлое позади и двигаться дальше.

– Но очень похоже на ее почерк, верно? – заметила Эви. – Я пошла с этой запиской в полицию, но они решили, что кто-то подшутил надо мной. Они не восприняли это всерьез.

Сэм покачал головой, явно не готовый поверить ее словам.

– Скажи мне правду, Сэмми, – попросила Эви и наклонилась к нему. – Ты не случайно нашел «Книгу фей» на чердаке, не так ли?

– Нет, – признал Сэм. – Нам позвонила девочка.

– Девочка?

– Да, Фиби говорила с ней. Она рассказала, где найти книгу.

– Она сказала что-нибудь еще? – спросила Эви, глядя на Фиби. Ее лицо было озабоченным, почти умоляющим.

– Нет, – ответила Фиби.

– Как звучал ее голос? – спросила Эви.

– Испуганно, – сказала Фиби, даже не подумав. – Она была напугана.

Казалось, все четверо затаили дыхание, пока Сэм дрожащим пальцем обводил слова на записке.

Я вернулась из страны фей. Скоро увидимся.

Лиза

Громкий стук в дверь нарушил тишину.

Все застыли и широко распахнутыми глазами уставились друг на друга. Фиби знала, что каждому из них пришла в голову одна и та же невероятная мысль.

Это Лиза. Она нашла нас.

Глава 4

Лиза

6 июня, пятнадцать лет назад

– Расскажи мне историю, – умоляла Эви. – Ну пожа-а-луйста!

Она лежала в спальном мешке на полу рядом с Лизой и постоянно ворочалась, словно человек, который старается выбраться из смирительной рубашки. Свет, пробивавшийся из-под двери, придавал ее лицу сходство с фонарем из тыквы на Хеллоуин. Голова казалась слишком большой, глаза – двумя черными провалами.

Под подушкой у Эви лежал большой охотничий нож; Лиза видела краешек кожаных ножен. Чего ожидает Эви, каждую ночь пряча нож под подушку?

Эви говорила, что нож принадлежал ее отцу, но это было явным враньем: она никогда не знала своего отца и даже понятия не имела, кто он. Она нашла нож в коробке со старыми рыболовными снастями в подвале своего дома. Хэйзел, мать Эви, была известной барахольщицей, и нож мог попасть туда откуда угодно: Хейзел часто посещала блошиные рынки и распродажи и имела странное пристрастие к покупке вещей, которым она потом не находила применения. Чем больше Эви рассказывала о том, что нож принадлежал ее отцу, тем сильнее сама верила в это. Лиза никогда не спорила с ней по этому поводу; она понимала, что Эви нуждается в материальном доказательстве своей связи с отцом, даже если эта связь выдуманная.

Рядом с ее подушкой лежал альбом для эскизов и карандаши. Эви часто делала там неуклюжие зарисовки – мультяшных человечков с болтающимися конечностями, длинными носами и темными кругами под глазами. Ее рисунки выглядели так, словно они были сделаны семилетней девочкой, очень угрюмой девочкой, которая делала своих персонажей похожими на вампиров.

– Ну пожалуйста! – снова простонала Эви.

Лиза повернулась к Эви спиной, так что ее нос оказался в нескольких дюймах от стены. Там висела карта Средиземья, которую Лиза составила, когда читала «Властелина Колец». Она понимала, что это выглядит странно. Другие девочки из ее класса вешали на стены афиши и фотографии кинозвезд и популярных певцов, а стены ее комнаты были покрыты картами воображаемых стран и изображениями единорогов и других волшебных существ, в том числе тролля

под мостом, которого ее отец нарисовал чернильной ручкой и который всегда пугал ее. Ее пугали не острые зубы или косматые челюсти тролля, а голодное выражение его глаз.

– С вишенкой на десерт, – добавила Эви.

Лиза натянула одеяло на голову.

– Я расскажу, если ты признаешь то, что мы видели в Рилаэнсе.

С тех пор как они вернулись домой, едва Лиза заводила речь об огоньках и колокольчиках, Эви резко меняла тему и делала вид, что тут не о чем говорить. Она рисовала в альбоме каракули, даже не похожие на рисунки – спирали, крестики и нолики, – и так сильно нажимала на карандаш, что прорывала бумагу.

– Что я должна признать? – буркнула Эви.

– Что там были феи. Ты знаешь, что это так, почему же не говоришь?

Лиза задыхалась под одеялом, но это было одно из маленьких испытаний, которые она устраивала себе: как долго она может заниматься неудобными и неприятными вещами – задерживать дыхание в ванной, трогать сырую куриную печень, жариться под одеялом. Когда Лизе показалось, что воздух вот-вот закончится, она сдалась и откинула одеяло с лица.

Темная комната внезапно показалась ярко освещенной. Лиза повернулась на бок и посмотрела на Эви, которая судорожно дергала ногами в спальном мешке и дышала с астматическим присвистом.

На другой стороне комнаты стоял стол Лизы, а рядом – книжный шкаф, наполненный книгами сказок и фэнтези.

– Люди видят то, что они хотят видеть, – сказал ей Сэмми немного раньше, когда она пыталась убедить его и Эви, что огоньки в подвальной яме были настоящими феями.

Возможно, Сэмми был прав, и, может быть, Лиза так думала, потому что на самом деле хотела этого, потому что всю свою жизнь ждала этого случая.

Но что, если наоборот?

Что, если с тобой происходят необыкновенные и волшебные вещи, потому что ты готовишься к ним? Что, если вера открывает двери?

– Скажи, что это были феи, и я расскажу тебе историю. Настоящую, особенную историю. И еще я подарю тебе кое-что: волшебный талисман.

– Что за талисман? – спросила Эви.

– Увидишь, – пообещала Лиза.

Это было некрасиво – вот так манипулировать чужими чувствами. Но, по правде говоря, Эви тоже вела себя недостойно. После возвращения из леса она вела себя как настоящая гадина, делая вид, будто ничего необычного не случилось. Но ее суетливые движения в спальном мешке показывали, что она думает об этом, нервничает и до сих пор не может отдышаться. А Лиза могла справиться с ее дурными чувствами. Она могла усыпить Эви волшебным зельем собственного изготовления.

Эви обожала истории Лизы. Когда она была встревожена или расстроена, они успокаивали ее. Когда она ворочалась и не могла заснуть, они убаюкивали ее. Даже во время худших приступов астмы, если Лиза привлекала Эви к себе и шептала ей на ухо «когда-то, давным-давно…», бронхи Эви расправлялись, начинали работать, и она обмякала на руках у Лизы, словно огромная тряпичная кукла. Прошлым летом Эви даже записывала голос Лизы на магнитофон, чтобы привезти ее истории домой и слушать их, когда подруги нет рядом. У Эви была мечта: однажды, когда они вырастут, они вместе сделают книгу, Лиза будет записывать свои истории, а Эви – иллюстрировать их.

– Ну хорошо, – сказала Эви и наконец успокоилась в спальном мешке. – Ты права.

– В чем права? – спросила Лиза. Она собиралась довести дело до победного конца.

Эви застонала.

– Ладно, ладно! Я думаю, что в Рилаэнсе мы видели фей. Теперь расскажи историю, а потом покажи подарок. Сделка есть сделка.

Лиза улыбнулась, положила голову на подушку и закрыла глаза. Мастерство рассказчика заключалось не в придумывании. Лиза словно приглашала историю пройти через себя, позволяла ей быть высказанной.

– Пусть это будет хорошая история, – сказала Эви.

– Мм, – отозвалась Лиза, а потом произнесла волшебные слова, с которых начиналась каждая история.

– Когда-то, давным-давно… – она выдержала паузу, – жили две сестры: одна светловолосая, а другая темноволосая.

– Угу. – Междометие прозвучало как согласный вздох. Дыхание Эви уже замедлилось и было не таким громким.

– Они жили в замке, зачарованном злой колдуньей. Замок был темным и мрачным. Каждого, кто входил туда, поражало безумие. Их мать повесилась. А отец проходил по залам, бормоча что-то себе под нос и не замечая своих дочерей. Он смотрел сквозь них, как будто они были призраками.

Эви издала тихий мычащий звук и повернулась на бок.

– Это продолжалось так долго, что сестры начали гадать, не стали ли они настоящими призраками. Может быть, они тоже сошли с ума и были заперты в глубокой темнице, но воображали, будто находятся в здравом уме.

«У нас остается только один выход, – сказала светловолосая сестра. – Мы должны покинуть это место».

«Куда же мы пойдем?» – спросила темноволосая сестра.

«Прочь отсюда. Мы найдем кого-нибудь или что-нибудь, что поможет снять заклятие с этого замка».

Лиза остановилась и прислушалась к дыханию Эви, которое стало медленным и глубоким. Кузина почти заснула.

– Так они и решили, – продолжала Лиза. – В ту же ночь они покинули замок и ускакали под прикрытием темноты. Они взяли суму с хлебом, сыром и фруктами. Темноволосая сестра унесла с собой отцовский меч, а светловолосая – лук и серебряные стрелы. А еще они взяли с собой одну вещь, унаследованную от матери: маленький серебряный ключ, который она очень ценила. Она не рассказывала им, к какому замку подходит этот ключ, но обещала, что однажды он спасет их.

Лиза встала с кровати, осторожно переступила через Эви и подошла к столу. Она открыла ящик, пошарила внутри и нашла то, что искала. Потом она прокралась к Эви и раскрыла ладонь.

– Что это? – полусонно спросила Эви.

– Подарок, который я обещала. Твой волшебный ключ.

Это был старый ключ, который Лиза давно нашла в ящике стола в прихожей, где он валялся вместе с разряженными батарейками, высохшими ручками, погнутой отверткой и другими ключами, забытыми потому, что никто не мог вспомнить, к каким замкам они подходили. Ключ был грязно-серебристым и имел большой выступ с несколькими выемками.

Эви крепко обхватила ключ и улыбнулась.

– Когда-нибудь он спасет меня?

– Определенно, – сказала Лиза. – Он спасет нас обеих.

Лиза скакала на лошади из собственной сказки, вцепившись пальцами в ее серебристо-белую гриву. Она откинулась в седле, ощущая теплый мускусный запах. Лошадь двигалась медленно и плавно, не издавая ни звука. Лизе казалось, что Эви должна быть позади, но она была одна.

Лошадь донесла Лизу до края двора и углубилась в лес. Они спустились по склону и пересекли ручей. Только этот ручей был более бурным и широким. Лошади пришлось плыть. Лиза подумала, что должна испугаться, но ей не было страшно.

– Эти сны чудесные, – сказала она вслух.

– Да, чудесные, – откликнулась лошадь. – Ш-ш-ш, – прошептала она. – Ты спи дальше.

Когда с первыми лучами солнца Лиза проснулась, она находилась в своей кровати, но густой мускусный запах лошади был повсюду вокруг нее. Тень на краю зрения шевельнулась, а затем пропала. Дверь со скрипом закрылась, и Лиза была уверена, что слышит тихий звук шагов в коридоре.

– Эй! – позвала она.

Эви тихо похрапывала на полу рядом с ней, с ножом под подушкой и старым ключом, зажатым в руке.

Сон. Всего лишь сон.

Эти сны чудесные.

Да, чудесные.

Она повернулась и увидела, что на подушке рядом с ней лежит мешочек из зеленого бархата, перевязанный золотой ленточкой.

Сердце подпрыгнуло и застряло в горле.

Пальцы дрожали, пока Лиза развязывала ленточку и заглядывала внутрь. Она достала три простых камушка. Но лишь когда Лиза повернула их к свету, то поняла, что это не камушки. Это были крупные зубы: три сточенных желтых коренных зуба.

– Ох! – вскрикнула она, и Эви моментально вскочила, как чертик из коробочки.

– Где он? – крикнула она и сунула руку под подушку, нащупывая нож.

– Кто? – спросила Лиза.

Эви огляделась вокруг и сонно протерла глаза.

– Забудь, – сказала она и положила нож себе на колени.

– Наверное, какое-то жвачное животное, – сказал Сэмми, когда девочки разбудили его и показали зубы. – Вроде коровы, – добавил он, вертя в руке один из зубов, – или лошади.

У Лизы по спине пробежал холодок. Эви всегда говорила: это значит, что кто-то прошел над твоей могилой.

– Ты просто проснулась и нашла их? – нахмурившись, спросила Эви.

– Я уже сто раз говорила, – сказала Лиза. – Они лежали на моей подушке.

Эви скорчила недовольную гримасу.

– Я думал, что зубная фея забирает зубы, а не оставляет их, – сказал Сэмми.

– Зубная фея – это выдумка, – отозвалась Лиза.

Сэмми рассмеялся, убрал зубы в мешочек и завязал его.

– Правильно. А все остальные феи совершенно настоящие.

Глава 5

Фиби

4 и 5 июня, наши дни

Стук в дверь стал громким и лихорадочным.

В конце концов Эви встала и пошла открывать. Она секунду постояла, сжимая дверную ручку и оглядываясь на своих спутников, словно спрашивая: А стоит ли? Но какой у них был выбор? Эви повернула ручку и открыла дверь.

Старуха с короткими седыми волосами стояла на пороге и улыбалась им. На ее голове была соломенная шляпа с аляповатыми пластиковыми цветами. На губах красовалась помада ярко-красного цвета, казалось, ее накладывал орангутанг, описавший клоунское кольцо вокруг губ. На носу старухи сидели очки в массивной пластиковой оправе. Ее платье представляло собой оранжевый летний балахон с розовыми тропическими цветами, а поверх него был накинут дождевик. На ногах были поношенные красные кеды, почти протертые на носках.

– Э-э-э… чем могу помочь? – осведомилась Эви.

Старуха рассмеялась.

– Вы заблудились? – спросила Эви. – Хотите зайти к нам?

И тогда, сначала тихо, старуха запела:

Давай, давай, подружка,

Выходи поиграть со мной,

Выноси своих куколок,

Заберись на мою яблоню,

Выпей мою дождевую бочку,

Спустись в мой погреб,

И мы станем лучшими друзьями!

Эви отвернулась и посмотрела на остальных с безмолвным призывом о помощи. Старуха явно спятила.

Фиби и Элиот встали и направились к двери.

– Пожалуйста, заходите, – сказал Элиот.

– Да, – добавила Эви. – Мы нальем вам чаю.

Старуха раскинула руки, и на мгновение Фиби показалось, что она собирается обнять их всех, но потом женщина повернулась и удалилась в лес.

– Постойте! – крикнула Эви. – Вернитесь! – Но она уже ушла.

– Нужно пойти за ней, – сказала Фиби. – Она явно заблудилась. Я хочу сказать, отсюда же несколько миль до ближайшего жилья. И она едва ли найдет дорогу в лесу.

– Мы с Сэмом пойдем за ней, – сказал Элиот и достал фонарик. – А вы останетесь здесь.

– Я пока заварю чай, – сказала Эви.

Они отсутствовали почти сорок пять минут, а когда вернулись, то сказали, что никого не нашли.

– Там темно, хоть глаз выколи, – сказал Сэм, качая головой.

– Думаю, нам всем пора баиньки, – заметил Элиот и запер входную дверь на задвижку.

Фиби была совершенно согласна с ним. Она вымоталась до предела.

– А мне как-то неуютно, – заявила Эви. – Думаю, мы могли бы сделать больше. Эта бедная женщина теперь одна бродит по лесу.

Элиот положил руку на ее шею и мягко помассировал кожу.

– Мы еще поищем утром. Потом поедем в город и сообщим, если тебе от этого будет легче.

Эви кивнула.

Пожелав спокойной ночи, Фиби и Сэм закрылись в своей комнате и стали готовиться ко сну. Фиби опустошила карманы и положила оранжевый камешек на подоконник рядом с кроватью. Она достала из кармана блокнот вместе с огрызком карандаша и записала:

СТРАННЫЕ СОБЫТИЯ, КОТОРЫЕ СЛУЧИЛИСЬ СЕГОДНЯ

Эви думает, что я беременна (но это же неправда???).

На их автомобиле стоит номерной знак Массачусетса.

Записка от Лизы (но это же не ее записка, верно?).

Старуха у двери.

– Составляешь план установления мира во всем мире? – лукаво спросил Сэм.

– Скорее господства над миром, – с озорной улыбкой ответила Фиби и убрала блокнот в сумочку, а потом посмотрела, как Сэм снимает футболку. Его спина была сильной и мускулистой, загорелой от работы в лесу. Фиби не могла дождаться, когда ляжет в постель и почувствует его руки, обнимающие ее и подсказывающие, что она вернулась домой.

Сэм повернулся к ней, и она снова увидела бледный шрам над его левой ключицей. Он не рассказывал о шраме, а когда Фиби спросила, то ответил, что был совсем маленьким и не помнит, как это случилось. Его мать тоже не помнила и сказала: «Мальчишки бывают такими неосторожным. Точно не помню, но, кажется, это от колючей проволоки, или после того раза, когда он попытался перепрыгнуть через наш автомобиль на велосипеде».

Фиби до сих пор было трудно представить, что ее осторожный и аккуратный Сэм был таким бесшабашным удальцом.

Она разулась и начала раздеваться.

– Думаешь, с ней все в порядке?

– С кем?

– С той старухой. Мне неприятно, что мы оставили ее одну в лесу.

Сэм немного помолчал.

– Это самое странное, – наконец произнес он. Его глаза немного остекленели, щеки раскраснелись от выпитого вина. – Как она могла просто исчезнуть? И ее песня…

– Что такое?

– Ничего, – отозвался Сэм, потушил свет и забрался под одеяло. – Забудь об этом. Думаю, я просто слишком много выпил. В этом вине определенно есть изюминка, верно?

– Хм.

Фиби улеглась рядом с ним. «Ты должна сказать ему, – произнес тихий внутренний голосок. – Скажи ему о задержке месячных. Передай ему слова Эви».

Но когда Сэм обнял ее, и она открыла рот, собираясь сказать эти слова, в голову вдруг пришел вопрос, который давно тревожил ее.

– Ты на самом деле видел фей?

Сэм напрягся и немного помолчал.

– Мы что-то видели, – наконец пробормотал он, уткнувшись лицом в ее волосы.

Фиби хотела спросить, что именно – зеленые фигурки в лиственных одеяниях? Или только тени? Но прежде чем она успела спросить, он заснул. Вскоре она присоединилась к нему, положив руку на живот, как будто гадала, есть ли там крошечное дитя, плавающее внутри нее.

Люк был открыт. Она слышала шорох и скрип петель.

Надо было поставить сумки и чемоданы под кровать. Сэм только посмеялся бы над ней, ну и что? По крайней мере, им бы ничто не угрожало.

Что-то пробралось внутрь. Она ощутила давление на живот и увидела руку, проникавшую под оболочку кожи, подкожного жира и мышц.

– Твои глаза, – говорил голос. – Беременную женщину всегда можно узнать по глазам.

Фиби потянулась вниз, но рука пропала. И одеяло тоже. Сэм лежал рядом, завернутый в свое тонкое одеяло, которое они нашли на бугристом матрасе в хижине.

Это не сон, подумала Фиби, сразу же осознав нелепость положения, но прикрывая ладонью живот.

Сэм ничего не понимал в снах и раздражался, когда слушал ее пересказы.

– Я не вижу снов, – в сотый раз повторял он.

– Конечно, видишь, – отвечала Фиби. – Все видят сны, но не все помнят о них.

Едва светало, но Фиби различала силуэт в ногах их кровати. Может быть, человек-тень из ее детства вернулся снова?

Нет. Это была старуха в цветочной шляпе, и она рылась в их вещах.

Фиби заморгала, уверенная в том, что это причудливая галлюцинация, порождение ночного кошмара. Женщина повернулась и посмотрела на них.

Это был не сон.

Фиби завопила и растолкала Сэма; тот сел на кровати и потрясенно, с недоверием уставился на старуху.

Женщина подмигнула Сэму и выбежала из комнаты, едва не столкнувшись с Элиотом, который вышел из соседней спальни в одних трусах, чтобы посмотреть на причину такого переполоха. Старуха выскользнула через открытую дверь и исчезла в предрассветном сумраке.

– Что она здесь делала? – спросил Элиот.

– Копалась в наших сумках, – сказала Фиби.

– Но как она сюда попала? Я запер дверь на задвижку перед тем, как пошел спать.

Сэм подошел к двери и осмотрел ее.

– Она не взломана. – Его голос был высоким и ломким, как у маленького мальчика.

– Может быть, она залезла в окно? – предположила Эви, вышедшая в коридор вслед за Элиотом. Она была в красном шелковом кимоно и без макияжа выглядела моложе и миниатюрнее.

Сэм проверил окна. Все они были закрыты и заперты на щеколды.

«Люк под кроватью, – подумала Фиби. – Вот как она проникла сюда».

Но она больше не была ребенком. Нет никаких люков под кроватями, не существует никаких привидений. Ей пришлось напомнить себе, что она больше не верит в подобные вещи. Новая Фиби была женщиной, которой уже три года не снились кошмары. До сегодняшней ночи.

– Она что-нибудь взяла? – спросила Эви. Сэм пошел проверить, потом вернулся и сообщил, что все вещи остались на месте.

– Пожалуй, нам нужно позавтракать, а потом съездить в город и обратиться в полицию, – сказала Эви.

– Не могу поверить, что наши телефоны не работают, – проворчал Элиот, качая головой.

– Так по всему Вермонту, – сказал Сэм. – Слишком много гор и слишком мало вышек сотовой связи.

– Ладно, я приготовлю кофе, – подытожила Эви и похлопала Элиота пониже спины. – Почему бы тебе не надеть штаны?

Элиот посмотрел на свои голые ноги, как будто до него только сейчас дошло, что он не одет. Его семейные трусы были украшены надписью «Раб любви», вышитой спереди и явно не предназначавшейся для постороннего просмотра. Когда Элиот повернулся, чтобы нырнуть в спальню, Фиби заметила татуировку на его правой икре: кружок с перпендикулярной линией, упиравшейся в перевернутую четверку. Греческая буква? Символ какого-то братства? Фиби едва удалось дотянуть до конца школы, не говоря уже о колледже, поэтому она не разбиралась в таких вещах. Нужно будет спросить у Сэма.

Сэм стоял у двери и смотрел в лес.

– Кто она такая, черт бы ее побрал? – пробормотал он, перебирая пальцами коротко стриженные темные волосы. Фиби подошла сзади и помассировала его

плечи. Мышцы были твердыми, как мячики для гольфа.

– Просто бедная сумасшедшая старуха, – сказала она.

Сэм покачал головой.

– Та бестолковая песенка, которую она напевала вчера вечером…

– Она явно больная. Может быть, у нее болезнь Альцгеймера, и она убрела от дома, сама не понимая того.

– Но эту песенку постоянно напевала Лиза.

Фиби разминала узлы мышц, бугрившихся на его плечах.

– Это совпадение, – прошептала она. – Многие люди знают ее.

Но в глубине души она не верила этому.

Глава 6

Лиза

7 июня, пятнадцать лет назад

– В Рилаэнсе есть феи, – объявила Лиза за завтраком. Пылинки, плававшие в воздухе, искрились и поблескивали в оконном свете. Вишенки на обоях казались необычно яркими и сочными. Хромированный стул и ножки стола сверкали на солнце. Кухня, как и большая часть дома, почти не изменилась с тех пор, как мама и тетя были маленькими девочками. Белые металлические шкафы, бледно-желтые столешницы из жаропрочного пластика под цвет обоев, с узором из ярких вишенок на кремово-желтом фоне. Простые сосновые доски на полу каждые несколько лет покрывали белой эмалью.

Мать Лизы улыбнулась, поднесла к губам чашку сладкого чая «Эрл Грей» с молоком, но ничего не сказала. Как всегда, она встала рано, позанималась йогой и приняла душ. Сегодня она надела свободные хлопковые брюки и рубашку с пуговицами в виде сосновых шишечек. Ее волосы, все еще влажные, были аккуратно причесаны. От нее пахло кольдкремом и лавандовой солью для ванной.

Если кто-то мог поверить в фей, это была мама, которая научила Лизу любить сказки и понимать магию слов «когда-то, давным-давно…». Одно из самых ранних воспоминаний Лизы было связано с матерью, читавшей «Гензеля и Гретель»: когда она произносила слова колдуньи, то натягивала на голову простыню, как старушечий платок. «Дай мне свой пальчик, девочка, – говорила она и тянулась к крошечной руке Лизы. – Ох, какой он тонкий. Слишком тонкий!»

Именно мама рассказала Лизе о Рилаэнсе и о том, что горожане лишь наполовину правы: это было зачарованное место, но его волшебство было добрым, а не злым.

– Однажды ты увидишь, – сказала она Лизе, когда расчесывала ей волосы перед сном. – Однажды ты своими глазами увидишь волшебство… если тебе повезет. Если ты поверишь.

И Лиза действительно верила. Она верила всю свою жизнь.

Теперь она затаила дыхание, ожидая продолжения. Рисовые хлопья в ее тарелке хрустели, потрескивали и лопались. Все говорит с тобой, если ты умеешь слушать.

Отец, сидевший в грязной пижаме по другую сторону стола, смотрел в свою кофейную чашку, словно видел внутри целый мир: миниатюрные города, фермы и циклоны. Он насыпал немного сахара, как будто рассыпал снег.

Лиза пока не могла услышать отца, но должен быть какой-то способ. Он находился где-то там, в другом месте. Она прислушивалась изо всех сил, но отец оставался безмолвным.

– Я видела фей, папа, – сказала она и нагнулась над столом, пытаясь заглянуть ему в глаза. Он низко опустил голову, изучая мутный кофе в своей кружке. – Мы

все видели их, – добавила Лиза, немного повысив голос. Она была уверен, что его левый глаз немного прищурился.

Раньше с отцом никогда не бывало так плохо. Конечно, иногда он целыми днями не вставал с постели, не принимал душ, не ел и вообще ничего не делал. Но теперь он впервые замолчал. И казалось, что он никогда еще не был так близок к смерти.

– Почему он ничего не говорит? – накануне спросила Лиза у матери.

– Думаю, сейчас ему не до разговоров, – ответила она. – Дай ему время, Лиза. Он лишь два дня назад вернулся из больницы. Врачи говорят, что передозировка не причинила необратимого физического ущерба. Скоро он вернется в нормальное состояние.

«Кошка проглотила твой язык?»

Так отец обращался к Лизе и Сэму, когда они медлили с ответом на вопрос; обычно это означало, что им есть что скрывать.

Отец не захотел поехать с ними в Кейп-Код в День поминовения, что должно было стать предупредительным сигналом: он любил местный пляж. Отец говорил, что это место обладает тонизирующей силой.

С тех пор как Лиза себя помнила, в День поминовения они отправлялись в Кейп-Код. Хэйзел и Эви всегда ездили с ними. Они останавливались в маленьком коттедже прямо на пляже, устраивали костер, искали моллюсков, выкапывали ракушки и плавали в океане, независимо от температуры воды.

Лиза с отцом целыми днями бродила по пляжу, высматривая ракушки и красивые камушки и мастеря ожерелья из водорослей. Прошлым летом отец изготовил настоящий парик из водорослей. Он надел парик на голову и танцевал, потрясая жезлом из обглоданной водой коряги и распевая знахарскую песню. Песок на его обнаженной груди ярко искрился, а узкие, длинные ступни оставляли большой круг странных птичьих следов на пляже. Даже Хэйзел смеялась до упаду.

Отец был профессиональным гончаром. В своем гараже он оборудовал студию с плавильной печью, гончарным кругом и полками с глазурованной керамикой. Он изготавливал кружки, вазы и кубки, которые продавал в художественные галереи и магазины ремесел по всему штату. По его словам, каждое изделие его рук имело свою историю. В этом году он не захотел поехать в Кейп-Код, потому что взялся за новую работу.

– Это нечто такое, за что любой турист из Нью-Йорка будет готов отдать свою левую почку, – подмигнув, сказал он и поцеловал Лизу в макушку. – Привези мне волшебный камушек. И сливочную помадку, да побольше!

– Все изменится, когда мы вернемся, – однажды вечером на пляже сказала Эви. Они отстали от остальных и бросали камни в воду.

– Что ты имеешь в виду?

– Это слова твоего отца, он сказал их незадолго до нашего отъезда. Он утверждал, что скоро все изменится. – Эви отрешенно посмотрела вдаль и улыбнулась.

– Почему он так сказал? – поинтересовалась Лиза.

Эви пожала плечами.

– Подождем и увидим.

Когда они в прошлый вторник вернулись домой, загорелые и с подарками, то сразу позвали отца, но он не ответил, хотя его автомобиль стоял на подъездной дорожке. Сэм и Лиза побежали в спальню и стали трясти его, но он не очнулся. Мама позвонила по номеру 911. Тетя Хэйзел пощупала его пульс и собрала пустые бутылочки из-под таблеток, чтобы врачи и санитары «Скорой помощи» знали, с чем имеют дело. Они нашли на прикроватном столике его альбом для набросков; отец пользовался им для зарисовок новых идей. Лиза пролистала альбом до последней заполненной страницы, где он изобразил темную, сумрачную фигуру. Возможно, это был автопортрет, но лицо представляло собой мешанину спиралей, выведенных с такой силой, что бумага в центре порвалась.

«Знал ли он в тот день, что прощается с нами? – гадала Лиза, когда смотрела, как машина „Скорой помощи“ увозит ее отца. – Было ли это спланировано заранее? Возможно ли, что, прося привезти волшебный камушек и сливочную помадку, он втайне от всех копил таблетки и знал о том, что больше не попробует лакомства из Кейп-Код? Об этом ли он пытался сказать Эви?» Но оставался главный вопрос, от которого живот Лизы завязывался в узлы: почему он так загадочно попрощался с Эви? Почему не с ней и Сэмом? Лизе хотелось задать этот вопрос отцу. Она усиленно размышляла над случившимся, втайне надеясь, что какая-то интуитивная часть ее мозга оценит последние события и сообщит свои выводы. Но ничего не случилось.

– Феи, папа, – повторила Лиза прямо ему в ухо. На ушной раковине росли два волоска, которых она раньше не замечала и которые делали его похожим на оборотня.

– Это были всего лишь светлячки, – встрял Сэмми и тут же охнул, когда Лиза лягнула его под столом.

Эви улыбнулась. Она повесила подаренный Лизой ключ на длинный шнурок из сыромятной кожи и обернула шнурок вокруг шеи. Ключ был скрыт под рубашкой, но Лиза видела шнурок. Эви рисовала в своем альбоме кофейную чашку, но выходило неправильно: ручка была слишком большой, верхушка не круглая, а овальная.

– Ты прекрасно знаешь, что это были не светлячки, – сказала Лиза. Сэмми скорчил гримасу, а потом вернулся к своим рисовым хлопьям, методично жуя, словно робот. Сэмми не получал удовольствия от еды, и это было очень печально.

– Скажи им, Эви, – попросила Лиза.

Эви закусила губу, не отрываясь от рисунка. Скрип, скрип, скрип – чиркало ее перо. Она пририсовала к кофейной кружке руки с когтями.

– Эви! – гневно воскликнула Лиза.

– Ха! – с улыбкой произнес Сэм. – Вот тебе и надежная свидетельница!

Он рассмеялся, покачал головой и вернулся к еде. Теперь уже Лиза закусила губу. Она ему покажет! Она докажет, что феи существуют на самом деле, и заставит его проглотить свои слова.

– Ты увидишь, – прошипела Лиза. Она полезла в карман, собираясь представить зубы в качестве доказательства. Эви бросила в ее сторону предостерегающий взгляд, беззвучно прошептала «Нет!» и так угрожающе нахмурилась, что Лиза оставила зубы в кармане.

Тетя Хэйзел, которая все это время стояла у плиты спиной к ним, принесла стопку блинчиков, которые она называла оладьями.

– Кто что увидит? – спросила тетя Хэйзел. Будучи противоположностью своей сестры, она носила халат, вывернутый наизнанку, и стоптанные шлепанцы, а ее волосы извивались в разные стороны, словно змеиное гнездо. – И пока мы не отошли от этой темы, пусть кто-нибудь скажет мне, видел ли он, что случилось с банкой клубничного джема, которую я купила вчера? Вы же знаете, как Дэйв любит джем.

Тетя Хэйзел была слегка тронутой, но она умела заботиться о людях. Каждый день она готовила большой завтрак (блинчики, канадский бекон и булочки с корицей) и никогда не выходила из себя при обращении с отцом Лизы, даже когда тот ходил под себя или отказывался от еды. Она много работала в домах престарелых и привыкла иметь дело со старыми, выжившими из ума людьми. Но из-за пристрастия к выпивке она не могла долго продержаться ни на одной работе. Она слишком часто брала отгулы или появлялась на работе, распространяя вокруг запах джина. Во всяком случае, так говорила Эви, и в последний раз произошло то же самое. По словам Эви, Хэйзел вызвали на замену заболевшей сотрудницы в реабилитационную клинику «Сидер-Грув», но она так и не оправилась от вечерней выпивки. Ее немедленно уволили; как оказалось, это было к лучшему, потому что теперь Хэйзел не спешила возвращаться домой. Она могла остаться и помогать отцу Лизы, пока ему не станет лучше.

Хэйзел и Эви жили лишь в одном часе езды в обветшавшем сельском доме, где всю зиму было холодно, а летом душно. Хэйзел не нравилось водить автомобиль, поэтому они редко приезжали в гости, но если приезжали, то оставались на несколько дней, иногда на целую неделю, если Хэйзел находилась в промежутке между предыдущей и следующей работой. Сэм и Лиза редко ездили к родственникам: Филлис не одобряла, как ее сестра ведет домашнее хозяйство, и

не раз жаловалась, что за последние годы сталкивалась там с постельными клопами, вшами и блохами. Детям не разрешали спускаться в подвал, потому что там якобы обитали крысы размером с мелкую кошку, которых нельзя было извести крысоловками или ядовитыми приманками. Лиза была вполне уверена, что настоящей причиной их редких визитов было пьянство Хэйзел. Когда Хэйзел приезжала к ним домой, Филлис держала ее на коротком поводке, но в привычной обстановке все маски оказывались сброшенными. Хэйзел держала бутылки повсюду, даже в туалетном бачке, как припоминала Лиза.

– Дети говорят, что в Рилаэнсе живут феи, Хэйзел, – пояснила Филлис.

– Чушь, – сказала тетя Хэйзел и одарила мать Лизы суровым взглядом, который можно было истолковать как «не надо им потакать». – Я бы сказала, что наши дети обладают чересчур активным воображением. Можно называть это проклятием или благословением, но так и есть.

С этими словами она зашаркала к холодильнику за кленовым сиропом, бормоча, что вся семейка нуждается в лечении, а не только отец семейства. Она стояла у открытой дверцы холодильника, заглядывая внутрь и копаясь там, и бормотала себе под нос.

– Вы должны были что-то оставить им, – тихо сказала мама, чтобы Хейзел не расслышала. – Феи любят дары, особенно сладости. Но только не железо. Они ненавидят все, что сделано из железа.

Лиза улыбнулась. Она не сомневалась, что мама понимает ее и знает, что нужно делать.

– Расскажи еще раз, тетя Филлис, – попросила Эви. – Что случилось с людьми, которые жили в Рилаэнсе?

Отец медленно оторвался от своей чашки, словно его голова была самой тяжелой вещью на свете. Из уголка его рта стекала тонкая струйка слюны, застревавшей в щетине на подбородке. Тетя Хэйзел поспешила по шахматному линолеумному полу обратно, с громким стуком поставила на стол сироп и сливочное масло и аккуратно промокнула лицо отца салфеткой, а потом выставила перед ним горку оладий.

– Извини, Дэйв, но джема нет. Это какая-то мистика.

– Они исчезли, – сказала мать Лизы, и ее голос прозвучал лишь немногим громче шепота. Это был ее голос для историй перед сном, которым она пользовалась с тех пор, как Лиза себя помнила. Тот самый голос, которым мать рассказывала ей «Гензеля и Гретель», «Золушку» и «Белоснежку». – Весь поселок просто исчез. Вчера они были здесь, а сегодня исчезли. На столах остались тарелки для ужина, горели камины, в конюшнях стояли лошади, а в коровниках – недоеные коровы. Все, что осталось… – голос матери стал едва слышным, – …это один-единственный ребенок. Младенец в колыбели.

– И что случилось с этим младенцем? – спросила Лиза, хотя наизусть знала эту историю.

– Его усыновила семья из нашего городка.

– И он был нашим прадедом, – сказала Эви.

Мать Лизы кивнула.

– Да, это был наш дед, Юджин О’Тул. Он построил этот дом.

– И стал городским врачом, – добавила Лиза.

– Он поступил в медицинский колледж в Бостоне, когда ему исполнилось шестнадцать лет, – сказала мать с гордой улыбкой на лице. – Этот человек мог сделать все, что угодно.

Но только не объяснить, почему он остался единственным, кто не пропал, подумала Лиза.

Мать Лизы и Хэйзел выросли под одной крышей со своим дедом Юджином и его дочерью Розой, которая была их матерью. Отец девочек ушел из семьи.

– Дом был недостаточно велик для двоих мужчин, – всегда говорила Хэйзел, но Лиза этого не понимала: дом всегда казался ей очень просторным.

Лиза никогда не встречалась со своим прадедом, умершим сразу же после свадьбы ее родителей. Однажды вечером он вышел во двор во время грозы, и его ударило молнией. Но, если он был таким умным, думала Лиза, разве он не знал, что в грозу нельзя держать в руках зонтик? С тех пор зонты в их доме находились под запретом, и Лизе не позволяли иметь даже летний зонтик.

Лиза помнила, что ее бабушка Роза была хрупкой женщиной, от которой пахло ментоловой мазью для растираний. Она перенесла инсульт, поэтому одна половина ее лица осталась неподвижной. Жила она в доме престарелых и умерла после очередного инсульта, когда Лизе было семь лет.

Иногда Лиза проходила по дому и прикасалась к вещам – к красному кухонному столу, к блюду для сладостей из молочного стекла, к курительной трубке, принадлежавшей Юджину и лежавшей на каминной полке, – и воображала, что каждый предмет наделен частицей жизненной силы и духа бабушки и прадедушки, призраками детских сущностей мамы и тети Хэйзел.

Отец оставил оладьи нетронутыми и опять свесил голову, уставившись в кофейную кружку. Это была белая кружка с красным сердечком с одной стороны и купидоном с другой. Лиза подарила ее ему на День святого Валентина несколько лет назад. Она была наполнена печенюшками в форме сердечек, а на боках красовались надписи «Сладких снов» и «Будь верен себе».

– Поешь, Дэйв, – сказала Хэйзел. – Нам нужна твоя сила.

Она наклонилась и стала нарезать оладьи.

Сэмми смотрел на отца, как человек, который видит жертву автокатастрофы и не может отвести взгляда. Мать неловко пошевельнулась на стуле и сказала:

– Хотела бы я, дети, чтобы вы были знакомы со своим прадедом. Иногда, – ее голос снова стал тихим и серьезным, как во время сказочной истории, – иногда я уверена, что вижу его частицу в каждом из вас.

Отец взял вилку, протянутую Хэйзел, и ткнул в тарелку, промахнувшись мимо оладий. Хэйзел забрала вилку и сама покормила его.

Мать Лизы поморщилась, но выдавила улыбку, когда перехватила взгляд дочери. Потом она сложила свою салфетку, отодвинула стул и сказала:

– Ну если все устроилось, то я пойду в сад и займусь прополкой.

– Все замечательно, – отозвалась Хэйзел, скармливая отцу очередной кусок. – Правда, Дэйв?

Кусок блинчика выпал у него изо рта. Лиза прикоснулась к желтому зубу у себя в кармане и подумала, каково это – сойти с ума. Все равно что выйти с зонтиком во время грозы. Или, может быть, это началось с малого, вроде мыслей о том, что кухонный стол и блюдо для сладостей зачарованы, или убежденности в том, что ты видела фей, даже если твой брат и кузина, которые были в лесу вместе с тобой, решительно отрицали это.

Глава 7

Фиби

5 июня, настоящее время

Они заканчивали завтрак из блинчиков с клубничным джемом, которые Эви называла оладьями.

– Как моя мама, помнишь? – сказала она, что вызвало у Сэма мечтательную улыбку, от которой Фиби стало грустно. Фиби сохранила очень мало теплых и пушистых воспоминаний о своем детстве, и в любом случае ей было не с кем поделиться ими. У нее не было давно утраченных кузенов, с которыми она могла бы воссоединиться. До смерти матери четыре года назад Фиби разговаривала с ней не больше двух-трех раз в год, и то потому, что мать искала деньги, а не ради воспоминаний о старинных семейных рецептах.

Фиби улыбнулась Эви. Ее собственное мрачное детство не мешало порадоваться за Сэма. Хотя Фиби и впрямь ощущала уколы зависти, она была решительно настроена не показывать этого. Эви представлялась ей выигрышным

лотерейным билетом – именно тем, что требовалось Сэму, чтобы раскрыть свое прошлое. Как бы Фиби ни восхищалась его способностью забывать о минувшем и двигаться дальше, ее одолевало любопытство. Сэм хотел узнать про Лизу. Про Короля фей и тайную дверь.

Тайные двери. Люки и проходы в стенах.

Вроде того, через который проникла старуха вчера ночью.

«Прекрати», – велела себе Фиби.

– У вас была большая семья, Фиби? – спросила Эви.

– Нет, только я и мама, – с небольшой запинкой ответила Фиби. – Она умерла еще до того, как я познакомилась с Сэмом.

– Мне очень жаль, – сказала Эви и нагнулась над столом, как будто намеревалась в очередной раз обнять ее. – Вы были очень близки?

«Черт возьми, нет!» – хотела сказать Фиби. Вместо этого она покачала головой и посмотрела на свои недоеденные блинчики. Новый лихорадочный стук в дверь уберег ее от дальнейших объяснений.

– Боже! – Элиот уронил вилку. – Только не говорите, что она снова вернулась!

– Я пойду, – сказала Эви и сжала его запястье. – Может, она не так испугается, если увидит меня. А вы продолжайте завтракать.

Все замолчали, прислушиваясь к шагам Эви. Потом дверь открылась, и Эви сказала:

– Еще раз добрый день. Я могу чем-то помочь?

За этими словами последовал жуткий вопль.

Фиби сразу поняла, что женщина в цветочной шляпе вернулась и совершила нечто ужасное. Она выбежала из кухни и увидела Эви, та хваталась за бок, а по ее белой футболке расползалось кровавое пятно. Рядом стояла старуха со штопором, который вчера вечером Элиот достал из жилетного кармана и оставил на кухонном столе.

Фиби привыкла к виду крови. Когда она работала в ветеринарной клинике, то видела довольно страшные вещи: кошек и собак, попавших под автомобиль, пуделя, изуродованного питбулем, бездомную овчарку, которая на несколько дней попала в капкан и отгрызла себе ногу.

– Дай посмотреть, – сказала Фиби и протянула руку, чтобы задрать окровавленную футболку, но Эви продолжала крепко сжимать рану.

– Со мной все в порядке, – отозвалась Эви, несмотря на внезапную бледность. – Рана неглубокая. Лучше догони ее!

– Давай! – рявкнул Элиот. – Я посажу Эви в джип и поеду за помощью. Поймай эту суку!

Мир для Фиби превратился в узкий тоннель, в конце которого остался единственный факт: она собиралась догнать старуху, обезоружить ее и выбить из нее кое-какие ответы. Но сначала нужно было проблеваться.

Фиби выбежала за дверь как раз вовремя, чтобы остатки оладий и кофе выплеснулись из нее на вымощенную плиткой дорожку, ведущую к хижине. Сплевывая горькую слюну, она слышала, как старуха язвительным, надтреснутым голосом поет ту самую песенку:

Давай, давай, подружка,

Выходи поиграть со мной.

– Кто вы такая, черт побери? – Сэм появился в дверях за спиной у Фиби. Старуха, стоявшая на опушке леса и переминавшаяся с ноги на ногу, словно маленькая девочка, которой приспичило пописать, перестала петь и подмигнула ему.

– Сэмми, Сэмми, Сэмми, кроткая овечка! – пропела она. Потом она уронила штопор и скрылась в лесу, а Сэм устремился за ней. Фиби выпрямилась и на нетвердых ногах последовала за ним; ее все еще мутило от увиденного.

Бегом, бегом, спотыкаясь о корни и камни. Ветви царапают лицо. Она удерживала в поле зрения голубую футболку Сэма, мелькавшую между деревьями. Старуха находилась где-то перед ним, но она избавлялась от своей одежды.

Сначала Фиби увидела халат, валявшийся на траве. Потом ее платье, шляпу и обувь. Наконец она заметила спутанную массу седых волос. Парик.

Эта сука носила маскарадный костюм!

Фиби заставила себя бежать еще быстрее. Что, если рана оказалась более глубокой, чем думала Эви? Ближайшая больница находится в часе езды отсюда. Какой вред можно причинить ударом штопора? Что, если он задел крупную артерию или внутренний орган? Фиби отчаянно старалась вспомнить анатомические рисунки, которые видела на уроках биологии в старших классах. Что находится там, внизу? Яичники? Селезенка? Она понятия не имела. Если бы она была ветеринаром с настоящим образованием, а не работала в приемной, то могла бы хоть как-то помочь.

Как долго они бегут по лесу? Как далеко они находятся от хижины?

Она усиленно работала ногами; дыхание со свистом вырывалось из груди. Если не считать пеших прогулок с Сэмом в выходные дни, Фиби не занималась физическими упражнениями. А старуха бегала не хуже койота. Она была лишь тенью, мелькавшей перед ними, а потом вообще пропала.

Деревья поредели и расступились. Впереди Фиби увидела громадный, неестественно зеленый луг, напомнивший ей искусственную траву в пасхальных корзинках. По лугу бежала обнаженная женщина.

Только это была не старуха. У нее были короткие рыжие волосы и стройное, подтянутое тело двадцатилетней девушки. И она кричала.

– Помогите! О боже! Кто-нибудь, помогите мне.

«Это Лиза!» – подумала Фиби. Она бы произнесла это вслух, если бы успела отдышаться.

– Пожалуйста, помогите! – завывала голая рыжеволосая девушка. Она скрестила руки перед собой, прикрывая маленькие груди. Ее кожа была молочно-белой и безупречно чистой. Она показалась Фиби слишком совершенной для реальной женщины.

И тут навстречу выбежали трое мужчин с клюшками для гольфа. Судя по всему, преследование завело Сэма и Фиби на территорию гольф-клуба. Один из мужчин, самый высокий, опрокинул Сэма, а другой, в клетчатых брюках, угрожающе занес над ним клюшку. Третий мужчина схватил Фиби и завернул ей руки за спину.

– Отпусти меня, идиот! – крикнула Фиби. – Лучше хватай ее; это она заколола Эви!

Обнаженная девушка рыдала, отчаянно пытаясь прикрыться руками. Один из мужчин набросил ей на плечи желтый свитер.

– Что произошло? – спросил мужчина, удерживавший Сэма на земле.

– Они… они… – Девушка плакала и кашляла. – Вчера вечером я голосовала на шоссе № 12. Они подобрали меня, но потом увели в лес. И они… делали такие вещи… – Ее голос прервался.

Фиби и Сэм изумленно переглянулись.

– Она лжет! – выкрикнула Фиби. – Она заколола штопором кузину Сэма! Мы остановились в лесной хижине, а потом пришла эта старуха…

– Какая старуха? – спросил один из гольфистов.

– Она! – взвизгнула Фиби. – Она переоделась и прикидывалась старухой!

Только теперь она осознала, насколько абсурдно это звучит.

– Они забрали мою одежду и привязали меня к дереву, – заявила девушка. Она показала мужчинам красные следы на запястьях.

Этого не может быть, подумала Фиби. Просто не может быть.

– Кто вы такая? – спросил Сэм у девушки. Он выглядел потрясенным до глубины души.

– Я позвоню в полицию, – сказал мужчина, который отдал девушке свитер.

– Очень хорошо, – согласился Сэм. – Скажите им, что моя кузина Эви и ее брат едут в город по шоссе № 12 и что Эви тяжело ранена. Они едут на черном джипе с номерными знаками другого штата.

Вскоре к ним присоединились двое патрульных в форме и городской констебль Альфред, от которого пахло так, словно он только что оторвался от повседневной работы в овине. Гольфисты отпустили Сэма и Фиби, но стояли с клюшками наготове, на случай, если кто-то попытается сбежать. Один из них вернулся в клуб и принес штаны и футболку для обнаженной девушки. На футболке было написано: «Гольф-клуб Фернкрест».

Девушка, кем бы она ни была, оказалась прекрасной актрисой, во всяком случае, так думала Фиби. Она знала, когда нужно заплакать, притвориться испуганным ребенком или выказать гнев. Она заставила всех мужчин, кроме Сэма, прислушиваться к каждому ее слову. Она прикасалась к ним, благодарила их, позволяла чувствовать себя ее спасителями. Они гордо переглядывались. Но не было ли чего-то еще в их водянистых взглядах? Фиби сразу же поняла, в чем дело: они были зачарованы. Прекрасная дама, попавшая в беду, полностью завладела их вниманием.

– Вот дерьмо, – сквозь зубы пробормотала Фиби. Они с Сэмом попали в настоящую переделку.

Загадочная жертва показала следы от веревок и пересказала свою историю полицейским, которые вели записи. Фиби посмотрела на Сэма с выражением:

«Что здесь, черт возьми, происходит?» Его взгляд казался туманным и остекленевшим. У Фиби возникло ощущение, что если она как следует сосредоточится, то проснется в лесной хижине. Она попала в какой-то бессмысленный кошмар.

Когда они получили возможность рассказать свою историю, полицейские решили, что единственным выходом будет обратная прогулка по лесу.

– Если вы говорите правду, то мы без труда найдем одежду этой девушки, – обратился к Сэму констебль Альфред.

– Все наши вещи остались в хижине. Пожалуйста, постарайтесь найти Эви и Элиота: они подтвердят наши слова. Эви была ранена, она истекала кровью. Я хочу убедиться, что они попали к врачу.

Увы, они так и не смогли найти ни одной части маскарадного наряда «старухи».

«Это нехорошо, – подумала Фиби. – Просто очень плохо».

Они прочесали лес густой цепью, но ничего не нашли. Фиби узнавала ориентиры – деревья и валуны, которые она миновала по пути, спотыкаясь и царапая лицо, поэтому она знала, что они возвращаются по верному пути. Но парик и одежда куда-то пропали. Фиби начала испытывать тягостное ощущение наползающего ужаса.

В конце концов (по предположению Фиби, прошло около часа с тех пор, как они пустились в погоню за старухой), они достигли хижины. Джип Элиота исчез; на его месте стоял подержанный пикап «Тойота».

Сэм постучался в закрытую дверь, окликая Эви и Элиота. Но дверь открыл пожилой мужчина в зеленых штанах и фланелевой рубашке. Его глаза казались неестественно голубыми и ясными, словно стеклянные шарики, вставленные во впалое, усохшее лицо яблочной куклы.

Он сфокусировал свой пронизывающий взгляд на Фиби и Сэме.

– Никогда не видел вас раньше, – равнодушно заметил он.

– И вы были здесь все утро? – спросил один из патрульных.

– Со вчерашнего вечера.

– Он лжет, – простонал Сэм. – Вчера вечером мы были здесь. Мы провели ночь в дальней спальне. Наши вещи лежат там.

– Не возражаете, если мы посмотрим? – спросил констебль.

Старик широко распахнул дверь.

– Добро пожаловать, Эл.

Хижина была чисто прибрана. В камине остался вчерашний пепел, а внутри еще пахло блинчиками. Но все тарелки из-под завтрака были вымыты и убраны. Никаких признаков Эви и Элиота. Их комната была пуста, кровать заправлена. Когда они прошли в спальню в конце коридора, где Фиби и Сэм провели ночь, она тоже оказалась тщательно прибранной. Их сумки пропали.

– Наши вещи! – воскликнула Фиби. Все, что они привезли с собой, пропало: спортивные сумки, ее сумочка, их камера. Осталась только одежда, которую они носили. Все это не имело ни малейшего смысла, и у Фиби возникло предчувствие психического срыва, когда нет никакой уверенности в том, что является реальным, а что нет.

Потом она пригляделась и заметила на подоконнике маленький оранжевый камень, который положила туда. Пока остальные отвернулись, она взяла камушек и положила его в карман, чтобы иметь хотя бы тень доказательства своей правоты.

Что бы ни случилось, она не сошла с ума. Они провели ночь здесь.

Полицейские взяли показания у владельца хижины, а потом вернулись в лес во главе со странной девушкой-оборотнем.

– Есть сообщения о моей кузине и ее муже? – спросил Сэм. – Она была тяжело ранена.

– Никаких сообщений, – ответил один из патрульных. – И никаких женщин с колотыми ранами, которые обратились за помощью.

Фиби взяла Сэма за руку. Один полицейский шел впереди, другой за ними, как будто они уже были арестантами.

– Что происходит? – прошептала она.

– Не знаю, – ответил Сэм, расправив плечи и пытаясь войти в роль храброго защитника.

– Она знала, как тебя зовут, – сказала Фиби. – Перед тем, как ты побежал за ней, она произнесла твое имя. Может быть, она увидела его, когда рылась в наших вещах?

– Нет, – отозвался Сэм. – То, что она сказала про слабую овечку… это был стишок, которым Лиза дразнила меня. Больше никто не знает об этом. – Его плечи снова опустились, как будто он признал поражение.

– Ну и что? Ты думаешь, это Лиза?

– Нет! Определенно, нет. – Патрульный повернулся к ним, и Сэм продолжил приглушенным голосом: – Но она как будто знает Лизу. Или что-то знает о ней.

– Может быть, она из страны фей? – предположила Фиби, заранее понимая, как это нелепо.

Сэм покачал головой.

– Господи! Никакой страны фей не существует, Би. Какой-то реальный человек забрал Лизу в реальное место. Черт, она не выбралась живой из этого леса.

Фиби ощутила приступ вины. Она так увлеклась фантазиями о феях и волшебной книге, что забыла факты: Сэм потерял сестру из-за жестокого преступления, которое, судя по всему, было совершено человеком. Нужно было проявить большую сдержанность и аккуратность и поддержать его, даже в отговорках от

безумных мыслей о феях.

Фиби взяла Сэма за руку и сама расправила плечи. Придется быть сильной и вытащить его из этой заварухи. Камень в ее кармане уже был доказательством, и это чего-то стоило.

Они наконец вышли на небольшую поляну, где у подножия дерева валялась размотанная веревка. И кучка одежды рядом с маленьким рюкзаком. Все было так, как описывала рыжеволосая.

Девушка порылась в рюкзаке и достала бумажник. Она показала полицейским удостоверение студентки колледжа, подтверждавшее ее имя: Эми Пелтиер.

– Водительских прав нет? – спросил один из полицейских.

– Я не умею водить машину, – ответила Эми.

– Может, вам следует научиться? – предположил констебль. – Самое время отказаться от поездок автостопом.

– Ерунда, – сказала Эми, забирая свои вещи. – Послушайте, я испугалась до чертиков, но мне не причинили вреда. Не надо никого обвинять.

– Но эти люди совершили преступление. Они насильно удерживали вас.

– Может, это была просто игра? Пожалуй, сначала я подыгрывала им, понимаете? Они были такими милыми, и мне это понравилось. Привязывание к дереву – не такая уж плохая вещь. Наверное, я немного испугалась в конце. Давайте просто забудем об этом, хорошо? Мне хочется думать, будто ничего не случилось.

– Вы не хотите выдвинуть обвинение? – ошеломленно спросил один из полицейских.

– Нет. Я хочу вернуться домой.

Констебль Альфред отвел девушку в сторону и около минуты тихо беседовал с ней. Наконец она покачала головой и сказала что-то такое, отчего он рассмеялся.

– Если вы уверены… – произнес констебль и повернулся к остальным. Его ярко-красные уши были похожи на странные блестящие ручки по обе стороны кувшинообразного лица. – Я собираюсь отвезти Эми в город. Отведу ее в кафе, где она сможет позавтракать, умыться и позвонить куда нужно.

Он положил руку на плечо девушки и кивнул полицейским, а затем увел ее. Его уши и шея покраснели еще сильнее, чем раньше.

– Считайте, что вам очень повезло, – сказал один из патрульных. – Но она еще может изменить свое решение. Если она решит выдвинуть обвинения против вас, мы знаем, где вас найти.

– Подождите! – сказал Сэм. – Как найти наш автомобиль?

– Туда, – указал патрульный. – Шоссе № 12 находится примерно в полумиле отсюда.

Они шли в потрясенном молчании.

– Вот дерьмо! – пробормотал Сэм. – У меня нет ключей. Они остались на столике в хижине.

– Есть запасные ключи, под днищем автомобиля.

– В самом деле?

– Я положила их туда прошлой зимой, когда случайно оказалась запертой в автомобиле, и мне пришлось вызывать службу помощи на дорогах.

– Я говорил, чтобы ты этого не делала, – буркнул Сэм.

– Но я все-таки сделала, и разве ты теперь не рад этому?

Он промолчал.

– У тебя бумажник с собой? – спросила Фиби.

– Это практически все, что у меня есть при себе.

– Что мы будем делать?

– Поедем домой. Ничего другого не остается.

Дальше они шли в молчании. Когда они добрались до автомобиля, то устали и проголодались. Фиби заглянула под машину и нашла маленькую магнитную коробку под задним бампером, именно там, где оставила ее в январе. Крышка проржавела, и пришлось отбить ее камнем. С ключом в руке она повернулась к Сэму и увидела, как он достает листок бумаги, засунутый под щетку стеклоочистителя.

– Штрафная квитанция? Это не шутка?

– Нет, это не квитанция, – ответил Сэм. Остатки румянца сползли с его лица. Фиби заметила слабую дрожь пальцев, подошла ближе и взглянула на листок. Там не было слов, лишь картинка. Несколько линий и круг, похоже на детский рисунок.

Это была такая же метка, которую она видела на икре у Элиота.

– Тейло, – пробормотал он.

– Что?

– Не что, а кто. Тейло, Король фей.

Глава 8

Лиза

7 июня, пятнадцать лет назад

Лиза достала старое надколотое блюдце и положила туда три сахарных кубика, плоский кусочек слюды, найденный в ручье, и квадратное печенье, потом взяла и стакан апельсинового сока.

– Так ты всего лишь привлечешь окрестных шершней, – посетовал Сэмми, когда они вышли на задний двор и направились к лесу. На нем была черная футболка с картой созвездий, которая светилась в темноте. Его волосы были слишком длинными и взлохмаченными. Отец всегда сам стриг Сэмми. Он ставил стул на кухне, выкладывал расческу и ножницы и объявлял: «Парикмахерская открыта!» Он смачивал волосы Сэма, брызгая на них водой из-под крана и напевая: «Стрижка и бритье, два в одном!» Сэм смеялся, а отец начинал болтать, как цирюльник: «Как причешемся сегодня, уважаемый сэр? Пострижемся под ежик или немного уберем с боков? Капельку бриолина для лоска? Может быть, сделаем ирокез?» – поддразнивал он, взбивая влажные волосы Сэма к макушке и поднося зеркало. Тот смеялся еще громче. «Похоже на стегозавра, – говорил отец. – Очень модно в наши дни; тебе будет обеспечен успех у девочек. Настоящий дамский угодник!» Лиза подумала, что, наверное, нужно было предложить Сэму подровнять волосы, но он, скорее всего, отказался бы. Он просто отпускал волосы и дожидался, пока отцу не станет лучше, становясь все больше похожим на маленького дикаря. Сэмми никогда не старался иметь презентабельный вид.

– Ты еще не знаешь, – сказала Эви. – Тетя Филлис говорила, что феи любят сладости.

– Она просто дразнит тебя, – отозвался Сэм.

– Если ты мне не веришь, то почему пошел с нами? – спросила Лиза, оглянувшись на брата через плечо.

– Потому что хочу увидеть твое лицо, когда ничего не произойдет, – ответил он.

Лиза шла с большой осторожностью, словно канатоходец, чтобы ничего не уронить и не расплескать. Склон холма, ведущий к Рилаэнсу, был неровным и местами крутым. Земля пружинила под ногами толстым слоем перегнивших листьев. Можно было споткнуться о камни и упавшие ветки, но к Рилаэнсу вела малозаметная тропинка, которую дети поддерживали в чистоте. Молодые тополя и березы боролись за место под солнцем под пологом старых буков и кленов. В лесу стоял плотный суглинистый запах, всегда заставлявший Лизу делать глубокие, жадные вдохи. Хотя было лишь десять утра, воздух уже нагрелся, и Лиза с удовольствием вошла в лес, подальше от солнца. Пот, проступивший на ее руках и ногах, стал быстро сохнуть, создавая приятную прохладу.

– Вы что, собрались на пикник? – донесся голос откуда-то спереди.

Отлично. Это было как раз то, чего они меньше всего хотели. Джеральд и Бекка выходили из Рилаэнса. На Джеральде были камуфляжные брюки и футболка с логотипом «Звездного пути». Его большие квадратные очки в металлической оправе меняли на солнце свой цвет. Проблема заключалась в том, что стекла очень медленно возвращались в обычное состояние, и в густом лесу он почти ничего не видел. Бекка всегда носила розовое, и на этот раз не изменила своей привычке: ее шорты и блузка имели оттенок розового зефира. Комплект дополняли розовые сандалии и розовая лента в волосах. Она училась в одном классе с Сэмми, и он говорил, что она считает себя популярной, но все остальные втихомолку недолюбливали ее.

– Она слишком старается, – объяснил Сэмми. – И это еще слабо сказано; иногда на нее просто больно смотреть.

Подруги называли ее Мизинчиком, и, похоже, это ее вполне устраивало. Лизе казалось, что это не такое уж плохое прозвище, пока однажды она не посетила зоомагазин, где увидела крошечных новорожденных мышат, которых называли «мизинчиками» и продавали владельцам змей с вполне определенной целью. Теперь каждый раз, когда она видела Бекку, то думала о крошечных слепых

мышатах, не имевших никаких шансов.

– Вроде того, – сказала Лиза, желая поскорее отделаться от них во что бы то ни стало. Она не собиралась говорить им правду о тарелке с подарками или упоминать о том, что они видели вчера вечером. И она не собиралась давать Джеральду возможность насмехаться над Эви и называть ее Стьюи.

– Какой-то странный пикник, – заявил Джеральд и уставился на тарелку, подойдя ближе. Он сдвинул темные очки на кончик носа, чтобы лучше видеть. Его светло-каштановые волосы были немного засаленными, а лоб усеян прыщами.

По крайней мере, Джеральд не питал иллюзий относительно своей популярности. Он имел маленький круг друзей – ребят, которые любили компьютерные игры, конструировали модели и читали комиксы, – и этого было достаточно. Он довольствовался тем, что мог вместе с приятелями оставаться после уроков в компьютерном классе, где они изобретали собственную игру, действие которой происходило в альтернативной микроскопической вселенной и требовало разработки нового языка, они называли его минарианским. Лиза в некотором смысле уважала Джеральда за то, что он знал себе цену и не претендовал на нечто большее. Его часто дразнили другие мальчишки – заводилы и спортсмены, которые уже имели подружек и ходили с ними в кино на вечерние сеансы.

– Это муравьиная еда, – объяснил Сэмми. – Мы собираемся устроить пикник для муравьев.

– Вы, ребята, немного чокнутые, – со смехом произнес Джеральд. Это была его любимая фраза, и он часто называл Лизу «немного чокнутой». Но он говорил это с бесхитростной улыбкой на лице, как будто был вполне доволен этим. Как будто он знал, что сам тоже немного чокнутый, и признавал Лизу членом своего племени.

Но на этот раз улыбка быстро сползла с его лица, и он уставился на Эви.

– Похоже на шоу уродов, – добавил он и фыркнул. Эви выставила подбородок и со свистом вздохнула. Ее пальцы обхватили ручку ножа в ножнах на поясе.

– А мне нравятся муравьи, – сказала Бекка и улыбнулась Сэму.

– Ничего подобного. – Джеральд затряс головой и снова надел очки. – Ты ненавидишь насекомых!

– Муравей может поднять вес, в двадцать раз превышающий его собственный, – обратился Сэм к Бекке. – Это все равно что ты поднимешь автомобиль.

Та захихикала и почесала комариный укус на руке.

– Вот это мне нравится, – заявил Джеральд и издал дурацкий гогочущий звук. Он потянул сестру за рукав блузки. – Пойдем отсюда, Мизинчик.

Бекка последовала за ним, продолжая расчесывать укус на руке, пока не пошла кровь.

– Оревуар! – крикнула она на прощание, жеманно взмахнув рукой в манере куклы Барби.

Эви убрала руку с ножа.

– Слава богу, – прошептала Лиза. – Я боялась, что мы застрянем здесь и весь день будем препираться с этими уродами.

Сэм покачал головой.

– Ты приносишь сладости для фей и называешь эту парочку уродами? Прости, сестренка, но по сравнению с тобой они выглядят совершенно нормальными.

Через несколько минут они пересекли ручей, который был полноводным ранней весной и превращался в жалкий ручеек в остальное время года. Его было легко перешагнуть, но если ты промахивался, то погружался в воду до лодыжек. Иногда ручей совсем пересыхал, но здесь всегда можно было найти красноспинных саламандр, прятавшихся и сохранявших прохладу под камнями.

За ручьем лес расступился в стороны, и они увидели остатки Рилаэнса: полдюжины подвальных ям, окруженных каменной кладкой с раскрошившейся

известкой, чахлые кусты сирени и яблони, кладбище и старый колодец. Руины поселка были окружены низкой и неровной, местами обрушившейся каменной стеной. Вчера вечером они видели огоньки в ближней к ручью яме, и Лиза в сопровождении Эви и Сэма направилась туда.

– Может, это был болотный газ, – предположил Сэм, расхаживая вокруг и поглядывая то на землю, то на деревья.

– Что? – Лиза смотрела в подвальную яму, которая выглядела так же, как всегда. Это был грубый квадрат со сторонами в пятнадцать футов – след дома, который был совсем небольшим, размером с просторную гостиную. Она вспомнила отчетливое ощущение слежки за собой, когда они стояли на том же месте вчера вечером.

– Говорят, что болотный газ испускает сияние, – пояснил Сэмми. – Он может создавать странные огни.

Эви покачала головой и усмехнулась.

– Привет, мистер ученый, здесь нет никакого болота! – сказала Лиза. В глубине души она любила Сэмми, но иногда он был таким тупым, что хоть святых выноси. Вот и теперь он стоял на своем.

– Может быть, газ выходит из желоба в земле, – сказал он.

– Может быть, – в сердцах отозвалась Лиза. – Почему бы тебе не прогуляться и не поискать этот желоб?

Эви хохотнула, но Сэм остался совершенно невозмутимым. Он обошел вокруг подвальной ямы, но не стал отходить дальше. Его лоб покрылся морщинами, как у озабоченного старика.

– Подержи это, ладно? – попросила Лиза и передала тарелку Эви, а сама спустилась в яму.

– Осторожно, – с беспокойством сказала Эви. Ее губы немного дрожали, как будто Лиза полезла в змеиное гнездо.

Они уже сотни, если не тысячи раз спускались в эту и другие подвальные ямы и вылезали наружу. Миллион раз играли здесь в прятки. Они убивали деревянными палками невидимых драконов и выигрывали войны с викингами. Они пели глупую песенку «Давай, давай, подружка», пока гонялись друг за другом по заброшенному поселку, притворяясь, что у каждого есть свой дом с погребом и дождевой бочкой. Но сегодня что-то было не так. Лес больше не казался их вотчиной.

Подвальная яма была неглубокой – не более четырех футов с раскрошенными каменными стенами и земляным ложем под напластованиями гнилой листвы. Если Лиза прищуривалась, то могла представить наверху деревянный каркас, обшитый досками, маленькую дверь и окна. Замшелые кирпичи на северной стороне обозначали место, где когда-то были камин и очаг.

– Думаешь, это здесь? – спросила она.

– Что? – откликнулась Эви.

– Дом Юджина, – пояснила Лиза. – Место, где родился наш прадедушка.

Она вспомнила слова своей матери, произнесенные сегодня утром: «Иногда я вижу его в каждом из вас».

Эви кивнула.

– Я бы не удивилась. Наверное, твоя мама знает; нужно спросить у нее.

Лиза огляделась вокруг. На дне ямы росли молодые деревца – ясень и белая канадская сосна, а также кусты папоротника.

– Может быть, огни, которые мы здесь видели… были чем-то вроде его призрака? – пробормотала Эви.

– Возможно, – сказала Лиза, но она так не думала. Определенно, это были феи. Сейчас она, как никогда, была уверена в этом.

– Эй, народ, а вот это странно, – крикнул Сэмми, появившийся у края фундамента. – Смотрите, что я нашел под теми деревьями.

Он указал налево, рядом со старой стеной. Лиза подтянулась на руках, ухватившись за край ямы, и выглянула наружу. Сэм держал в руке надкушенный сэндвич.

– Наверное, это осталось от Джеральда и Бекки, – сказала Эви. – Проклятые мусорщики!

Сэм осмотрел сэндвич и понюхал его.

– Думаю, это ливерная колбаса, – сказал он и сморщил нос.

Единственным известным Лизе человеком, который ел ливерную колбасу, был ее отец, но он в его нынешнем состоянии определенно не мог устроить пикник в лесу.

– В самом деле, странно, – согласилась Лиза.

– Гадость какая, – скривилась Эви. – Лучше выброси, пусть какой-нибудь зверек подберет и съест… если он будет очень голоден.

Лиза соскользнула вниз и отвернулась от Сэма и Эви, чтобы продолжить осмотр подвальной ямы.

В южном углу старого фундамента, – там, где могла стоять колыбель с маленьким Юджином, которого нашли после исчезновения остальных жителей, – Лиза увидела необычное растение, увешанное цветами, похожими на цепочки колокольчиков бледно-фиолетового цвета с белыми пятнышками в горловине. Волшебные цвета.

– Я знала, – воскликнула Лиза и захлопала в ладоши. Она наклонилась и прислушалась, почти уверенная в том, что услышит звон колокольчиков.

– Это наперстянка, – сказал наверху Сэм. – Будь осторожна, они ядовитые.

Лиза никогда не видела таких красивых цветов. И она не верила, что обитатели леса могут причинить ей вред.

Она аккуратно поставила тарелку с дарами возле растения, а потом, с учащенно бьющимся сердцем и не обращая внимания на зловещие предупреждения Сэма, прикоснулась к одному цветку. Он был мягким и гладким, как кожа младенца.

Она почти слышала плач Юджина, безутешную жалобу младенца, оставленного в лесу.

Глава 9

Фиби

5 июня, наши дни

В три часа дня, когда они подъехали к дому, Фиби облегченно вздохнула; еще никогда ей не было так приятно вернуться под крышу. Первым делом она примет душ и переоденется, а потом они с Сэмом устроятся за шатким столом на кухне и обсудят положение. После безумия, творившегося в хижине, надежные домашние стены помогут взглянуть на происходящее со стороны.

В сущности, это был скорее коттедж, чем настоящий дом, но за последние два года он стал для Фиби любимым местом на свете, единственным местом, где она действительно чувствовала себя дома.

Дом с высокой остроконечной крышей, витражными окнами и декоративной отделкой карнизов очаровал Фиби почти так же сильно, как Сэм. Казалось, он явился из волшебной сказки. Поэтому, когда через полгода регулярных свиданий Сэм предложил Фиби переехать к нему, она без колебаний согласилась, хотя он был первым мужчиной, с которым она собиралась жить вместе. Пока она не познакомилась с Сэмом и не увидела дом, она всегда хотела иметь личное пространство и сохранять удобную дистанцию между собой и своими ухажерами. Но Сэм был другим… и дом тоже. Сэм поселился здесь после окончания колледжа и арендовал дом у профессора искусствоведения, который

перестраивал его. Потом жена профессора тяжело заболела, и супруги переехали в Бостон. Он продал дом Сэму за полцены.

– Ох! – только и сказала Фиби, когда впервые увидела дом. – Прямо сказочное зрелище!

Но теперь, когда она приблизилась и увидела, что входная дверь приоткрыта, это скорее напомнило сцену из фильма ужасов.

– Держись за мной, – предупредил Сэм. Он расправил плечи и выставил перед собой автомобильный ключ, словно жалкое подобие самурайского меча.

– Черта с два, – отозвалась Фиби и встала рядом с ним, подняв с земли камень размером с теннисный мяч.

– Полагаю, мы не забыли запереть дом? – сказал Сэм, с некоторым трепетом глядя на входную дверь. Засов был вырван из стены, а в замке покопались отверткой, которая осталась висеть там. Фиби задержала дыхание, распахнула дверь толчком ноги, и Сэм переступил через порог.

По дому как будто прошел смерч: мебель была повалена, шкафы и ящики открыты, а их содержимое вывалено наружу. Топографические карты были выдраны из рамок, стекла разбиты.

– Бог ты мой, – пробормотала Фиби. Держа камень в руке, она побежала к аквариумам в задней части гостиной. Они остались почти единственным нетронутым предметом обстановки, а их обитатели оказались целыми и невредимыми. Фиби положила камень и бережно взяла на руки Горация. Маленький ежик тыкался носом в ее ладонь, ожидая лакомства.

– Привет, крошка, – сказала она певучим голосом, приберегаемым для младенцев и маленьких животных, поглаживая его мягкие иголки. – Что здесь случилось, а? – Она поднесла к лицу ежика с розоватым брюшком, словно надеясь на ответ.

– Они в порядке? – спросил Сэм. Если не считать змей, он любил животных и шутливо называл их «Зверинцем Фиби».

– Похоже на то, – ответила Фиби и опустила Горация рядом с его клеткой. В соседнем аквариуме мирно дремали две капюшонные крысы Орвилл и Уилбур, обернув вокруг тел розовые хвосты. Одноглазый королевский питон Джексон отдыхал, наполовину высунувшись из поилки.

Все эти животные по разным причинам попали сюда из ветеринарной клиники. Гораций покусал мальчика в его день рождения (Фиби не могла понять, почему родители позволили компании шумных семилетних мальчишек приставать к испуганному ежику). Джексона спасли из дома, где держали четырнадцать змей, полдюжины хорьков и несметное количество кроликов; все они плохо питались и не получали должного ухода. Орвилл и Уилбур были заброшены, когда их владелец поступил в колледж, а его мать отказалась заботиться о грызунах.

– Отлично, – сказал Сэм. – Приятно знать, что эти долбаные психопаты оказались любителями животных.

У Фиби подгибались ноги. Ей хотелось сесть, но мебель была опрокинута, обивка вспорота.

Сэм оцепенело стоял в центре гостиной, глядя на телефон.

– Мы не должны ни к чему прикасаться. Я позвоню в полицию.

Он хотел положить почту, которую принес с собой, но стол был опрокинут. Сэм положил корреспонденцию на пол и тогда увидел это: маленький конверт со своим именем, выведенным аккуратным почерком, без адреса или почтового штампа. Сэм вскрыл конверт.

Я вернулась из страны фей. Встретимся в Рилаэнсе в следующее полнолуние.

Лиза

Они провели остаток дня, приводя дом в порядок и оценивая ущерб. На первый взгляд, ничего не пропало. Сэм решил, что лучше не привлекать к делу полицию. Сначала Фиби не согласилась с ним, но, когда он напомнил об их утренней

встрече с патрульными, она перестала возражать. Кто знает, что может случиться, если вмешается полиция? Что, если та девушка снова изменила свои показания? Тогда полицейские уже сейчас могут находиться в пути, чтобы арестовать ее и Сэма.

– Думаю, тот утренний спектакль должен был создать впечатление, что мы ненадежные люди, склонные ко лжи и преступлениям, – сказал Сэм. – Это был умный ход с их стороны. Они знали, что мы дважды подумаем, прежде чем обратиться к копам, потому что в полиции нас уже считают полоумными фантазерами, что бы мы ни говорили.

– Но мы знаем то, что видели, – сказала Фиби. – Та женщина пырнула Эви штопором! Что с ней случилось? Нельзя просто взять и исчезнуть с такой раной.

Сэм озабоченно покачал головой.

– Я не знаю.

– И кто забрал наши вещи? Кто очистил хижину? Зачем кому-то понадобилось идти на такие ухищрения?

– Трудно сказать, – отозвался Сэм. – Но если они вломились сюда и перевернули все вверх дном, значит, что-то искали. Возможно, им нужна была «Книга фей», и теперь, получив ее, они оставят нас в покое.

– Но кто вообще знал о том, что книга у нас? – поинтересовалась Фиби. – Твоя мама, Эви и Элиот. Да еще, может быть, та девочка, с которой я говорила по телефону.

Она достала из кармана свой блокнот для записей, вывела крошечными иероглифами на чистой странице заголовок «Люди, которые знали о книге» и составила список.

Сэм кивнул, потирая шею.

– Зачем было забирать книгу? – спросила Фиби.

– Думаю, потому что в ней были какие-то улики. Она была написана тем, кто забрал Лизу. Мне следовало послушать маму и передать книгу в полицию сразу же после того, как мы нашли ее.

– Ты не должен себя винить, – сказала Фиби.

– Я и не виню. Просто мне жаль, что я даже не открыл эту чертову книгу.

– Почему же ты этого не сделал?

– Потому что в тот день позвонила Эви и попросила не читать книгу без нее. Она хотела быть рядом.

Опять Эви. Куда она пропала? Мог ли организатор этого спектакля что-то сделать с ней и Элиотом?

– Ладно, так что теперь? – спросила Фиби. Она раскрыла блокнот на следующей странице и написала «План действий».

– Ничего, – ответил Сэм. – Будем продолжать жить, как раньше.

Фиби раздраженно вздохнула.

– Мы ничего не можем поделать? – произнесла она, наклонившись к нему. – Твоя кузина где-то истекает кровью, или шайка психопатов держит ее с мужем в заложниках. Кем бы ни была та девушка в лесу, она многое знала о Лизе. Такие вещи, которые были известны только Лизе. Ты же сам говорил!

Сэм закусил губу и провел пятерней по волосам.

– Если этого недостаточно, подумай о своей матери. Если Лиза каким-то образом все еще жива, разве тебе не кажется, что мы обязаны все выяснить хотя бы ради нее? Господи, Сэм, это же ее ребенок! Твоя сестра.

Сэм подошел к календарю Общества защиты животных, висевшему на стене.

– Ну хорошо. Следующее полнолуние будет в пятницу, одиннадцатого числа. Допустим, мы поедем туда, посетим Рилаэнс и посмотрим, что случится.

– А до того? – спросила Фиби.

Сэм беспомощно покачал головой.

– А до того? – повторила Фиби. – До одиннадцатого числа остается еще шесть дней, Сэм! Мы собираемся просто сидеть и ничего не делать?

– А до того мы попытаемся выяснить, что произошло с Эви и Элиотом, – с некоторой заминкой отозвался он.

– Отличный план! – Фиби наклонилась еще ближе и чмокнула его в щеку. – Ты очень сексуальный, когда напускаешь на себя вид детектива.

Сэм закатил глаза, и она снова раскрыла блокнот.

ПЛАН ДЕЙСТВИЙ

Найти Эви и Элиота.

Отправиться в Рилаэнс в полнолуние (пятница).

Заставить Сэма побольше рассказать мне о том лете.

Фиби понимала, что ей следовало бы добавить пункт «пройти тест на беременность», но каким-то образом возможность записать эту мысль на бумаге повышала вероятность реальной беременности. Прямо сейчас она не могла думать об этом, но обещала подумать позднее.

Сэм подошел к телефону и набрал номер мобильного телефона, полученный от Эви. Через минуту он покачал головой.

– Этот номер больше не обслуживается.

– А как насчет ее номера в Филадельфии?

– Она не давала его мне.

– Позвони в информационную службу.

Как выяснилось, в Филадельфии и окрестностях не было телефонного номера, зарегистрированного на имя Эви или Эвы О’Тул.

– Проклятие, – проворчал Сэм. – Наверное, она сменила фамилию после замужества. Я понятия не имею, какая фамилия у Элиота.

Он снова снял трубку и набрал номер.

– Привет, мама, – сказал он в трубку. – Послушай, не сможешь ли ты дать мне номер тети Хэйзел. Да, я подожду. Угу… Ага. Нет, мы не забыли. До встречи.

Он повесил трубку.

– Ну вот, кое-что есть. И она напомнила мне о завтрашнем ужине. Оказывается, мы собирались привезти десерт.

Фиби застонала. Она любила мать Сэма, даже преклонялась перед ней и определенно считала, что Филлис имеет право знать о судьбе своей дочери. Но чистый и уютный дом Филлис с ее домашними блюдами немного пугал Фиби. Она помнила разочарованный вид матери Сэма, когда они заявились к ней с двумя пинтовыми ведерками мороженого «Бен и Джерри» вместо свежеиспеченных пирожных. Фиби постоянно казалось, будто в глубине души Филлис считает, что ее сын сделал недостойный выбор, и удивляется, почему он не предпочел женщину, которая умеет готовить. Хуже того, Фиби втайне поклялась, что она изменится и однажды удивит Филлис трехслойным тортом с настоящей сливочной прослойкой и сахарной глазурью. Она ясно представляла этот Торт Искупления, который станет самым вкусным лакомством, которое они когда-либо пробовали.

Фиби смотрела, как Сэм набирает номер своей тети.

– Что ты собираешься сказать? – спросила она.

Он пожал плечами, прислушиваясь к гудкам.

– Ради бога, не говори ей, что мы недавно видели, как ведьма-психопатка пырнула штопором ее дочь!

Сэм закатил глаза.

– Разумеется, нет! – прошипел он.

Хэйзел наконец взяла трубку, и Сэм провел следующие пятнадцать минут в неуклюжих попытках изобразить светскую беседу с многочисленными оправданиями и извинениями. С того давнего лета он не поддерживал никаких контактов с теткой, если не считать рождественских открыток.

– Хэйзел – это полоумная летучая мышь, – не раз говорил он Фиби. – Она пьет, как винная бочка. Моя мама рассорилась с ней как раз перед исчезновением Лизы. Время от времени они разговаривают по телефону, но уже не так, как раньше.

Чем больше Фиби слышала о тете Хэйзел, тем больше этот образ становился похожим на ее собственную мать, хотя она никогда не говорила об этом.

– Ты никогда не рассказываешь о своей матери, – однажды заметил Сэм.

– Мне не о чем рассказывать, – ответила Фиби и пожала плечами. – Мы были не очень близки.

Это еще очень мягко сказано. Но все равно это лучше, чем сказать: «Моя мама была никчемной алкоголичкой, которая чаще вела глубокомысленные беседы с телевизором, чем с другим человеком».

– Они не настоящие, мама, – однажды сказала Фиби, когда застала свою мать за разговором с сыщиками из телевизора.

Мать сердито уставилась на Фиби, встряхнула кубики льда в своем бокале и сказала:

– Кто ты такая, чтобы судить об этом? Ты думаешь, что настоящее – это только то, что можно потрогать?

Она наклонилась и больно ущипнула дочь за руку.

– Ой! – вскрикнула Фиби.

– Если ты так думаешь, то ни черта не знаешь, солнышко.

Фиби не лгала Сэму насчет своей матери, но держала при себе кое-какую важную и болезненную информацию. Например, о том, как умерла ее мать.

Она выбросила эту мысль из головы и сосредоточилась на Сэме, который продолжал мучиться, пробиваясь через дебри разговора со старой алкоголичкой. Фиби покрутила рукой в воздухе, намекая ему, что пора заканчивать, и Сэм кивнул.

– Вот в чем дело, Хэйзел, – сказал он в трубку, – я надеялся, что ты расскажешь мне, как можно связаться с Эви и Элиотом.

Он подождал, потом закусил губу.

– Ее муж? Элиот? – Новая пауза. – Понятно. Ну да, теперь ясно. У тебя есть этот номер?

Сэм что-то нацарапал на листке бумаги, потом поблагодарил тетушку и пообещал чаще звонить ей.

– Итак, – произнес он, когда повесил трубку. – Первая странная новость – Эви не выходила замуж. Вторая – она живет не в Филадельфии, а здесь, в Вермонте. В городе Барлингтон.

– Да, это и впрямь странно. Ты собираешься позвонить ей?

– Я сделаю кое-что получше. Я собираюсь поехать туда и нанести ей братский визит. Посмотреть, как она себя чувствует после того, как ее пырнули штопором. У меня есть ее адрес. – Сэм соскочил с дивана, подхватил ключ и свою поношенную кожаную куртку. – Ты поедешь?

– Еще бы, – отозвалась Фиби и почти опередила его на пути к выходу.

Глава 10

Лиза

7 июня, пятнадцать лет назад

Иногда во время совместных поездок Лиза воображала, будто они скреплены друг с другом и представляют части целого – сиамских девочек-близнецов, связанных вместе там, где ее грудь прижималась к спине Эви. Черная футболка Эви с логотипом «Харлей-Дэвидсон» была мокрой от пота, Эви пыхтела и кряхтела, как будто старинный паровоз: «Думаю, я могу, думаю, я могу, думаю, я могу…»

«Ты можешь, – внушала ей Лиза своим дыханием. – Ты можешь сделать что угодно, пока у тебя есть я».

У Эви не было своего велосипеда, но она была крупнее и сильнее, поэтому Лиза усаживалась за ней и руками обнимала толстую талию кузины. Эви приподнималась на сиденье, работая ногами и крутя педали, плотно обхватив руль и не прикасаясь к тормозам, как бы быстро они ни ехали.

Они мчались по Спрюс-стрит на Мейн-стрит, а Сэмми ехал рядом на своем велосипеде BMX, выкатываясь на бордюры и тротуары и описывая петли.

Когда они достигли того места, где от Мейн-стрит отходила вилка на Ларк-Ридж, то повернули направо. Грунтовая дорога шла вдоль реки, мимо фермы Такера; колеса гудели, стрекотали сверчки, а воздух был напоен запахом

свежескошенной травы. Потом они свернули на старую пожарную дорогу, которая представляла собой лишь заросшую тропинку. Воздух был влажным и прохладным. Ветки хлестали их по лицам. Лиза крепко держалась, когда они подскакивали на камнях и корнях, тащились по песку или огибали свежую кучку лошадиного навоза. Через четверть мили они остановились, прислонили велосипеды к деревьям и направились вниз по берегу в сторону водоворота. На самом деле никакого водоворота не было. Это было такое место, где изогнутый валун пересекал ручей, задерживая достаточно воды для образования глубокого бассейна. Дно было покрыто гладкой галькой и песком. Там шастали мелкие рыбешки, и, если вы какое-то время стояли неподвижно, они начинали покусывать пальцы ног. По гладкой поверхности воды скользили водомерки, речная форель держалась в глубокой тени. В воздухе кишели комары и мошки, но пока вы оставались в воде, это было терпимо.

– Кто последний, тот дурак! – крикнул Сэмми, стаскивая футболку с изображением звездного неба, сбрасывая сандалии и ныряя в воду прямо в шортах. Лиза сняла шорты и футболку, раздевшись до голубого купальника со светлым узором из рыбьей чешуи. Это называлось «русалочьей кожей». Эви сняла тяжелые ботинки и пояс с ножом. У нее не было купального костюма. Ее большие мальчишеские шорты развевались в воде, белый остроугольный вырез майки выглядывал из-под футболки с логотипом «Харлея». Она почти не умела плавать и большей частью барахталась на мелководье.

Сэм нырнул и тут же вынырнул; его мокрые темные волосы слиплись и доходили почти до плеч.

– Тебе нужно постричься, – сказала Лиза.

– А тебе нужно свериться с реальностью, – отозвался Сэмми и снова погрузился в воду. Когда он вынырнул, то плюнул в Лизу струйкой воды изо рта. – Феи! – Он закашлялся. – Как ты вообще можешь верить в это?

Лиза покачала головой.

– А как ты можешь не верить?

– Потому что на свете нет маленьких зеленых человечков с кружевными крылышками. Мне жаль разочаровывать тебя, но фея Динь-Динь[6 - Фея Динь-

Динь – персонаж «Питера Пэна» Джеймса Барри (прим. перев.).] – это вымышленный персонаж, Лиза. Ты можешь сколько угодно хлопать в ладоши, но вера не сделает фей реальными.

Эви нахмурилась, медленно двигая руками вокруг себя и создавая собственный водоворот.

– Может быть, они не такие? – сказала она.

– Что?

– Я хочу сказать: может быть, они настоящие, но просто не такие, как мы думаем, – продолжала Эви. Она дернула воротник футболки, чтобы отлепить ее от тела вместе с майкой, но стоило отпустить, как все прилипло еще хуже, чем раньше.

– Какими же тогда они должны быть? – поинтересовался Сэмми.

Эви пожала плечами.

– Наверное, больше похожими на нас. Так однажды сказала моя мама. Они не такие, как описано в этих милых книжках с картинками; настоящие феи похожи на людей, только они не люди. Они подобны нашим теням, так она сказала. Это темная магия. Сейчас они здесь, а через миг их нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Волшебные пальчики» (Magic Fingers) – фирменное название вибрирующей кровати, запатентованной в 1960-е годы. Здесь используется в ироническом смысле (прим. перев.).

2

Короткая проселочная дорога, прокладываемая в противопожарных целях (прим. пер.).

3

Reliance (англ.) – надежность, уверенность.

4

Фиби (Phoebe) – чибис (прим. перев.).

5

Одюбон, Джеймс (1785–1851) – американский натуралист, автор иллюстрированной книги «Птицы Америки», которая считается настоящим раритетом (прим. перев.).

6

Фея Динь-Динь – персонаж «Питера Пэна» Джеймса Барри (прим. перев.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/dzhennifer-makmahon/molchanie

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить